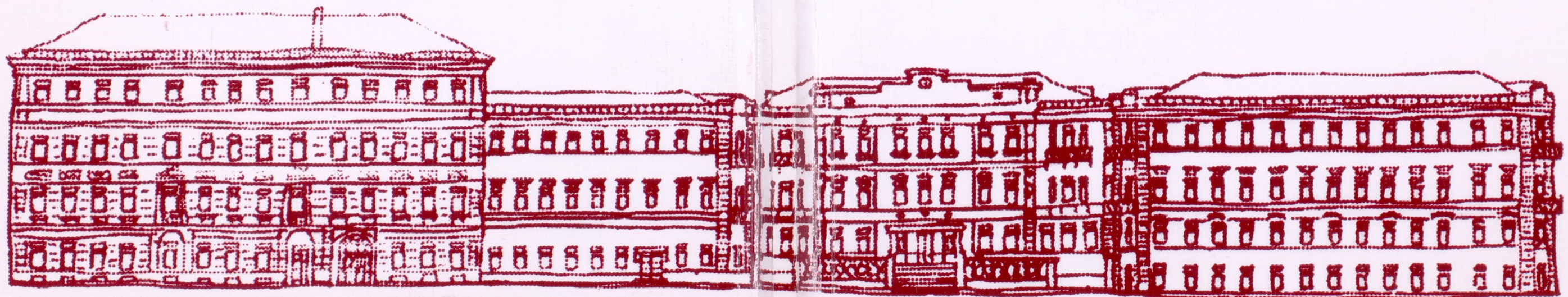

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ РОССИИ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)**

Приложение 7

ГАЗИЗ ГУБАЙДУЛЛИН
И СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
В 1920–1930 гг.

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ РОССИИ

БЮЛЛЕТЕНЬ

Приложение 7

**Газиз Губайдуллин и становление
советского востоковедения в 1920–1930 гг.**

**Материалы конференции
(Москва, 2012 г.)**

**РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА
2012**

УДК 008(1-11)(06)

ББК 78.37

Б 98

*Издание осуществлено при поддержке гранта РГНФ
№ 12-01-14034 г*

Составители:

Э. С. Кульпин-Губайдуллин,
А. Д. Васильев, Д. Д. Васильев

Утверждено к печати Институтом востоковедения
Российской академии наук

Бюллетень Общества востоковедов. – Приложение 7 :

Б 98 Газиз Губайдуллин и становление советского востоковедения в 1920–1930 гг. : Материалы конференции, Москва 2012 г. / Сост. Э. С. Кульпин-Губайдуллин, А. Д. Васильев, Д. Д. Васильев. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 76 с.

ISBN 978-5-9551-0588-8

ББК 78.37

В 2012 г. исполнилось 125 лет со дня рождения татарского ученого, историка-востоковеда, писателя и педагога — Газиза Салиховича Губайдуллина. Памяти ученого был посвящен симпозиум, проведенный в Москве Институтом востоковедения РАН и Обществом востоковедов России при участии Постоянного Представительства Республики Татарстан, Фонда Марджани и Московского Исламского университета. В настоящем Приложении к Бюллетеням Общества публикуются материалы симпозиума, связанные с изучением научной биографии и наследия ученого, представленные авторами докладов и сообщений.

Содержание

От составителей	5
Доклады	6
Д. З. Хайретдинов ,	9
<i>(Московский исламский университет)</i>	
Приветственное слово	
В. М. Алпатов	11
<i>(ИВ РАН)</i>	
Арест и гибель Г. С. Губайдуллина	
Д. Ю. Арапов	18
<i>(МГУ имени М. В. Ломоносова)</i>	
Г. С. Губайдуллин об исламском факторе в годы Первой мировой войны	
А. Ахтамзян	19
<i>(МГИМО)</i>	
Преемственность концепции истории татар Поволжья в трудах Газиза Губайдуллина	
А. Д. Васильев, Д. Д. Васильев	25
<i>(ИВ РАН)</i>	
Особая позиция Газиза Губайдуллина на I-м Всесоюзном тюркологическом съезде в 1926г.	
Д. М. Галиуллина	31
<i>(КФУ)</i>	
История татарского народа в работах Г. Губайдуллина.	
А. А. Глашев	34
<i>(Институт тюркологии, Москва)</i>	
Г. С. Губайдуллин о хазарах и Хазарском каганате	

Ю. Н. Гусева	36
<i>(Самарский филиал МГПУ)</i>	
Отражение научной и общественной деятельности	
Газиза Губайдуллина в «кривом зеркале» материалов	
Восточного отдела ОГПУ (1921—1923 гг.)	
Э. С. Кульпин-Губайдуллин	42
<i>(ИВ РАН)</i>	
Эпоха и жизнь Газиза Губайдуллина	
О. Н. Сеньюткина	60
<i>(Нижегородский лингвистический университет)</i>	
Актуальность творческого наследия Газиза Губайдуллина	
(к 125-летию со дня рождения)	
Л. Х. Фазуллина	66
Особенности прозы Газиза Губайдуллина	
Р. И. Якупов	69
<i>(ИИЯЛ УНЦ РАН, Уфа)</i>	
О методологическом значении трудов Г. С. Губайдуллина	
Р. И. Якупов	71
<i>(ИИЯЛ УНЦ РАН, Уфа)</i>	
Этнография и архивная эвристика	

От составителей

В 2012 г. исполнилось 125 лет со дня рождения татарского ученого, историка-востоковеда, писателя и педагога — Газиза Салиховича Губайдуллина.

Памяти ученого был посвящен симпозиум, проведенный в Москве Институтом востоковедения РАН и Обществом востоковедов России при участии Постоянного Представительства Республики Татарстан, Фонда Марджани и Московского Исламского университета. В настоящем Приложении к Бюллетеням Общества публикуются материалы симпозиума, связанные с изучением научной биографии и наследия ученого, представленные авторами докладов и сообщений.

ШӘХЕСЛӘРБЕЗ

غازي عبدالدين

Газиз
ГОбӘЙДУЛЛИН

Приветствия:

Наумкин В. В. (Институт востоковедения РАН)

Нигматуллин Р. И. (Президиум РАН)

Хайретдинов Д. З. (Московский исламский университет)

Мириханов Н. М. (советник Премьер-министра РТ)

ДОКЛАДЫ

Г. Губайдуллин как деятель национального движения российских мусульман

Кульпин-Губайдуллин Э. С. (д.ф.н., проф., Институт востоковедения РАН, журнал «История и современность») Эпоха и жизнь Газиза Губайдуллина

Алпатов В. М. (д.ф.н, проф., директор Института языкознания РАН) Материалы следственного дела Г. С. Губайдуллина

Арапов Д. Ю. (д.и.н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова). Г. С. Губайдуллин об исламском факторе в годы Первой мировой войны

Ахтамзян А. А. (д.и.н., проф., Председатель научного сообщества татар Москвы) Преемственность концепций татарских историков в работах Г. Губайдуллина

Гусева Ю. Н. (к.и.н., Самара) Отражение научной и общественной деятельности Газиза Губайдуллина в «кривом зеркале» материалов Восточного отдела ОГПУ (1922—1923 гг.)

Хабутдинов А. Ю. (д.ю.н., проф., Казанский филиал Российской академии правосудия, Казань) Концепция национального развития тюркских народов России у Газиза Губайдуллина: теория и практика

Г. Губайдуллин и его историческая концепция

Бурганов А. Х. (д.и.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет). Газиз Губайдуллин о будущем татар в меняющемся мире

Измайлов Б. И. (кин, Институт истории АН РТ, Казань) Теория торгового капитала и становление татарской нации в трудах Г. Губайдуллина

Сенюткина О. Н. (д.и.н., проф., Лингвистический университет, Нижний Новгород) Актуальность творческого наследия Газиза Губайдуллина
Халиуллин Ю. Н. (д.полит. н., проф. Институт океанологии РАН) Классическое востоковедение в эпоху интернета

История татар в трудах Г. Губайдуллина

Галиуллина Д. М. (к.и.н., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань). История татарского народа в работах Г. Губайдуллина
Глашев А. А. (проф., Институт тюркологии, Москва). Г. С. Губайдуллин о хазарах и Хазарском каганате
Измайлов И. Л., Измайлов Б. И. (Институт истории АН РТ, Казань) Газиз Губайдуллин об истории Казанского ханства
Сибгатуллина А. Т. (д.ф.н. Институт востоковедения РАН) Газиз Губайдуллин — писатель и литературовед

Г. Губайдуллин как историк тюркских народов Евразии

Васильев А. Д., Васильев Д. Д. (к.и.н., Институт востоковедения РАН) Особая позиция Газиза Губайдуллина на 1-м Всесоюзном тюркологическом съезде 1926 г.
Зайцев И. В. (д.и.н., Институт востоковедения РАН, Фонд Марджани) Письма Газиза Губайдуллина Владимиру Александровичу Гордлевскому
Котюкова Т. В. (к.и.н., Институт востоковедения РАН, Фонд Марджани). История Бухарского эмирата в работах Г. Губайдуллина

Д. З. Хайретдинов,
(Московский исламский университет)

Приветственное слово

Уважаемые коллеги! Позвольте приветствовать Вас от имени Московского исламского университета!

Сегодня мы собрались, чтобы почтить память Газиза Губайдуллина — последнего в плеяде татарских историков мусульманской и национальной традиции, плеяде, истоки которой заложили Хусаин Фаизханов и Шихабетдин Марджани. Мы помним, сколь трагичен был конец жизненного пути у Газиза Губайдуллина, Гали Рахима, Джамала Валиди, Хади Атласи. Как и тысячи имамов и алимов, представителей национальной интеллигенции, они пали жертвой богоборческого коммунистического режима.

В своих трудах классики татароведения сочетали достижения современной европейской и российской науки с традициями мусульманской богословской мысли. В равной степени владение мусульманскими арабскими и персидскими источниками и научными достижениями европейской школы характеризовали ту плеяду деятелей уникальной формации. Как ректор исламского вуза могу сказать, что именно этот образец является для нас эталоном, искомой золотой серединой при подготовке нового поколения интеллектуальной элиты для мусульманских народов России. В этом смысле Газиз Губайдуллин как один из наиболее плодovitых в научном смысле джадидов, является примером и образцом для молодого поколения мусульман.

Газиз Губайдуллин был одним из немногих татарских классиков, рожденных в Казани. С самого начала своей жизни он воспринял традиции исторической столицы татар, опыт великой мусульманской городской цивилизации. В своей семье от отца Салиха Губайдуллина он получил пример истинного подвижничества во имя сплочения и развития уммы. Его отец, также уроженец Казани, получил образование у Марджани, так что здесь мы видим прямую

связь с Шихаб-хазратом. Напомним, что по инициативе и на деньги Салиха Губайдуллина был создан сборник «Марджани», посвященный 100-летию великого алима. До сегодняшнего дня этот труд является одной из вершин татарской историографии.

Сам Газиз Губайдуллин в 1895—1904 гг. учился в медресе «Халидия» в Казани. Именно здесь он получил знание не только татарского литературного языка, но и арабского и фарси, представление о мусульманском богословии, догматике и праве. Эти знания дали ему возможность анализировать развитие не только татар, но различных мусульманских народов Закавказья, Северного Кавказа, Средней Азии, эволюцию их государственности и исламских институтов. После окончания Казанского университета Газиз преподавал в медресе «Мухаммадия» в Троицке — видном центре джадидизма. Советский режим прервал деятельность мусульманских учебных заведений в городах, Губайдуллин затем преподавал только в светских вузах. Но глубокое понимание сути религии Ислама и уважение к исламской цивилизации он сумел проводить в своих трудах.

Научная ценность трудов Газиза Губайдуллина состоит, в том числе, в систематизации большого массива исторических документов и сведений. Это был один из крупнейших татарских-мусульманских историографов дореволюционного и раннего советского периода. Мне как архивисту, ответственному редактору серии энциклопедических словарей «Ислам в Российской Федерации» эта область деятельности Губайдуллина особенно близка.

В эпоху всемирного кризиса авторитетов мы все лучше осознаем, насколько правы были лидеры джадидизма в их понимании необходимости сочетания исламских и светских ценностей, борьбе за создание свободного и справедливого общества честных тружеников. Одним из важнейших мыслителей этого направления был Газиз Губайдуллин. Его труды и дни должны вдохновить мусульманскую молодежь современной России и стран СНГ на труды и свершения во имя общего лучшего будущего!

Арест и гибель Г. С. Губайдуллина

Данная статья основана на материалах следственного дела Пр 25993 (в двух томах), хранящегося в Центральном архиве Министерства национальной безопасности Азербайджана. Используются также дела Пр 16229 (Р. Ахундов) и Пр 26926 (Б. В. Чобан-заде). Все эти дела благодаря содействию указанного архива мы с ныне покойным Ф. Д. Ашниным смогли изучить в 1997 г. в Москве. Частично они опубликованы в монографии Ф. Д. Ашнина, В. М. Алпатова и Д. М. Насилова «Репрессированная тюркология»¹. Следственное дело дает сведения не только о периоде после ареста Г. С. Губайдуллина, но и о других периодах его деятельности, прежде всего, после его переезда в Баку, хотя, конечно, эти сведения требуют критического к себе отношения и часто искажают реальность. Далее ссылки на эти дела будут даваться лишь с указанием номера тома и страниц.

Г. С. Губайдуллин в годы гражданской войны активно участвовал в национальных движениях, однако после их поражения остался на родине и встал на путь сотрудничества с советской властью. В 20-е годы, безусловно, обстановка для развития культур тюркских народов была много лучше, чем до революции. Однако ситуация в разных национальных республиках СССР различалась. В первой половине 20-х гг. Г. С. Губайдуллин работал на родине, в Казани, где с 1924 г. обстановка резко ухудшилась, и ученый даже подвергся аресту, в тот раз кратковременному, по нелепому обвинению в краже. После этого Г. С. Губайдуллин некоторое время колебался между Самаркандом и Баку, но в итоге предпочел Баку, куда переехал в 1925 г.

Этот город в то время был не только центром азербайджанской культуры, но и центром развития культур разных тюркских народов. Там тогда работали выдающийся крымско-татарский ученый Б. В. Чобан-заде, друг Г. С. Губайдуллина, татарский ученый

¹ Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов, Д. М. Насилов. Репрессированная тюркология. М., Восточная литература, 2002. Специально о Губайдуллине см.: с. 86—94.

Н. Л. Халфин, узбекский тюрколог Х.-С. Ходжаев, турецкий ученый Исмаил Хикмет. Все перечисленные, кроме успевшего вернуться в Турцию Исмаила Хикмета, в 1937 г. погибли.

Различная ситуация в 20-е гг. и отчасти в первой половине 30-х гг. в разных республиках СССР зависела, в частности, от состава лиц, ответственных за культурную политику. В Азербайджане с 1924 по 1936 гг. (с перерывами в 1928—1929 и 1930—1933 гг.) здесь ведущую роль играл Рухулла Али оглы Ахундов, занимавший в 1924—1928 и 1929—1930 гг. должность второго секретаря ЦК КП республики (первыми секретарями до 1933 г. всегда были не азербайджанцы). Этот человек, имевший лишь среднее образование, хорошо знал русский язык и русскую культуру и был достаточно начитан. О его культурной ориентации говорила во время реабилитации его жена: «Выбрав себе в жены партработника еврейку, т.е. русскую по культуре и привычкам, Ахундов уже определил этим строй своей семейной жизни, в котором не было никакой восточной специфики» (дело Р. А. Ахундова, т. 4, л. 30). Во многом благодаря Ахундову Азербайджан стал первой республикой СССР, где национальный язык был переведен на латинскую письменность, а арабский алфавит вышел из употребления. Будучи интернационалистом, Ахундов считал необходимым использовать опыт и знания азербайджанской европеизированной интеллигенции и приглашать в Баку представителей других тюркских народов. Сразу в нескольких следственных делах говорилось о том, что он покровительствовал Г. С. Губайдуллину, Б. В. Чобан-заде и другим. Еще одним покровителем ученых дореволюционной формации среди партийных руководителей был С. М. Эфендиев, выпускник Казанского университета, еще с того времени знакомый с Губайдуллиным (как видно из дела последнего, Эфендиев в студенческие годы увлекался идеями пантюркизма, но еще до революции перешел к большевикам). Среди русских руководителей Азербайджана более всего поддерживал тюркских интеллигентов С. М. Киров, но после его переезда в Ленинград позиции Р. А. Ахундова ослабли и ситуация стала ухудшаться.

Европеизированные ученые типа Г. С. Губайдуллина рассматривались отчасти близкими им по духу азербайджанскими руководителями как «попутчики» в борьбе с традиционной культурой и исламом. Вследствие этого в Азербайджане в отличие от ряда других республик, например, Казахстана, не было массовых репрессий

против национальной интеллигенции на грани 20-х и 30-х гг. Однако ситуация стала резко меняться к худшему с 1933 г.

В этом году азербайджанскую парторганизацию впервые возглавил представитель коренной национальности Мир Джафар Багиров, сумевший удержаться на этой должности двадцать лет (лишь в 1953 г. он будет снят и арестован, а в 1956 г. расстрелян). Выходец из среды мусульманского духовенства, недостаточно образованный, он, как свидетельствуют показания жены Р. А. Ахундова и других доживших до реабилитации азербайджанских коммунистов, воспринимался ими как человек «старого мира». Карьеру он сделал на должности председателя ЧК — ГПУ Азербайджана, где некоторое время его подчиненным был Л. П. Берия; хорошие отношения с тех пор у них сохранялись до почти одновременного падения обоих. И. В. Сталин, безусловно, также доверял Багирову, что видно из эпизода, зафиксированного в пятом томе дела Р. А. Ахундова: в декабре 1937 г. и январе 1938 г. Н. И. Ежов готовил дело и против Багирова, собрав на него показания Ахундова и других арестованных, но оно было остановлено, что мог сделать лишь один человек. Таким образом, Сталин (несмотря на начавшуюся к этому времени политику русификации) поддерживал наиболее традиционного по духу и привычкам из азербайджанских руководителей, а ориентированные на русскую культуру тюркские коммунисты и интеллигенты были уничтожены.

Ситуация в Баку, видимо, стала ухудшаться для Г. С. Губайдуллина сразу после прихода к власти М. Д. Багирова, в результате чего он в том же 1933 г. решил оттуда уехать. Некоторое время он работал в Пятигорске, затем ненадолго вернулся в Казань, но и на этот раз он там не прижился, и в 1935 г., получив приглашение наркома просвещения Азербайджана М. Шахбазова (также будет репрессирован), вернулся в Баку.

К этому времени, казалось, ситуация там стала спокойнее. Р. А. Ахундов тогда уже не занимал высших постов, но еще оставался куратором бакинской науки. Он был заместителем председателя Азербайджанского филиала АН СССР и фактически руководил его работой (председателем числился ленинградский академик И. И. Мещанинов, лишь изредка приезжавший в Баку), а также директором Института истории и археологии филиала. В этом институте Г. С. Губайдуллин работал до ареста, участвуя в написании кол-

лективной «Истории Азербайджана»; также он был профессором истории в Азербайджанском государственном университете.

Но скоро М. Д. Багиров начал расправу с противниками. Первым был арестован его главный соперник Рухулла Ахундов, это произошло еще 17 декабря 1936 г. Вслед за ним пострадало его окружение, в том числе по Академии наук. В январе 1937 г. были арестованы Б. В. Чобан-заде, заместитель Ахундова по институту В. Хулуфлу и другие. Губайдуллин в эту группу не попал, но в феврале в газете его называли «контрреволюционером», а 18 марта арестовали и его.

Тогда единственный шанс на спасение арестованному давал отказ от всяких признаний; в частой для того времени ситуации смены местного руководства он мог попасть в число «оговоренных» и выйти на свободу (так случилось с киргизским поэтом Аалы Токомбаевым). Но в Азербайджане всё осталось в руках Багирова, и не признавшиеся могли рассчитывать лишь на замену расстрела лагерем, что произошло с драматургом Гусейном Джавидом, умершим в лагере в 1941 г. Однако это единственный известный нам случай непризнания. Попытки были страшными, о чём в некоторых следственных делах есть такие свидетельства, которые не хочется приводить. Даже опытный подпольщик времен борьбы с мусаватистами Р. А. Ахундов продержался лишь четыре месяца. А Г. С. Губайдуллин (как и Б. В. Чобан-заде) сдался быстро. В отношении его в деле упоминаются карцер и «постановка на стойки» (т. 2, л. 529), но нет данных об избиениях, хотя это не означает, что они были исключены. А любое признание, даже взятое потом назад, в 1937 г. означало смерть; лишь с начала 1939 г. в Баку вместо смертных приговоров начнут выносить лагерные.

В деле Г. С. Губайдуллина содержится 17 протоколов допросов, первый от 28 марта 1937 г., последний — от 7 сентября того же года. Как показывают протоколы, подследственному не давали остановиться на том или ином пункте. Ученый быстро признал «контрреволюционность» своих связей с Юсуфом Акчуриным, Гаязом Исхаковым и др. в годы гражданской войны, но пытался отрицать какие-либо связи с ними после их эмиграции (т. 1, л. 28). Но его затем заставили признаться и о нелегальной связи с ними в 20—30-е гг. (т. 1, л. 150). Признав получение от них «инструкции по подготовке вооруженного восстания», Губайдуллин пытался хотя бы отрицать получение денег из-за рубежа, но пришлось заявить и об этом (т. 1, л. 229—230).

Его «признательные показания» касались шести групп лиц, которые интересовали следователей. Во-первых, это национально ориентированные интеллигенты различных тюркских народов, с которыми был знаком в разное время Г. С. Губайдуллин. Во-вторых, это Р. А. Ахундов, С. М. Эфендиев и другие руководители Азербайджана и Татарстана. В-третьих, это люди, жившие или работавшие в районе нефтепромыслов и порта, в основном из числа бывших студентов профессора (надо было придумать «подготовку диверсионных актов»). В-четвертых, это бакинские троцкисты. В-пятых, это ведущие тюркологи и, шире, востоковеды Ленинграда. В-шестых, это нетюркская профессура Баку: ученые — русские, евреи, армяне, а также видный востоковед П. К. Жузе, бывший родом из арабов — христиан. Отмечу, что последняя группа, которой был специально посвящен один из допросов ученого, не была арестована, что отмечено во время реабилитации (т. 2, л. 528). Групповому делу был в итоге придан «пантюркистский» характер, и бакинская профессура иных национальностей (кроме троцкистов) в этот период почти не пострадала.

Первые четыре группы в основном состояли из уже арестованных людей. Но среди ленинградских востоковедов в списке «контрреволюционеров» фигурируют Самойлович, Ольденбург, Малов и «Крючковский»; в последнем случае явно имеется в виду академик И. Ю. Крачковский (т. 1, без пагинации). Там же указано, что о них сообщено НКД СССР и Ленинградскому УНКВД. Академику С. Ф. Ольденбургу показания уже не могли повредить, так как он умер в 1934 г. Трое остальных членов АН на тот момент находились на свободе, и С. Е. Малов и И. Ю. Крачковский избежали ареста. Однако А. Н. Самойлович 2 октября 1937 г. будет арестован, а 13 февраля 1938 г. расстрелян. Причем трое остальных ученых упомянуты лишь в общем списке, а о Самойловиче Г. С. Губайдуллина допрашивали как минимум четыре раза. В данном деле, как и в параллельном деле Б. В. Чобан-заде, этот академик занимает видное место. Губайдуллина заставили показать, что Самойлович еще до революции был информатором турецкого правительства и дружил с хивинским ханом, в годы гражданской войны был настроен прогермански, а в лекциях говорил о «прогрессивном влиянии на тюркские народы в Синьцзяне» (т. 1, л. 399). А ровно за два месяца до ареста А. Н. Самойловича ему в показаниях уже приписана

«помощь в разведке по линии Академии наук» некоему татарину, работавшему в Ленинградском порту (т. 1, л. 303—305). Подобные показания заставили дать и Б. В. Чобан-заде. Однако следственное дело А. Н. Самойловича, которое Ф. Д. Ашнин также изучал (см. нашу вышеупомянутую книгу, с. 7—20), содержит загадку: показания Чобан-заде там есть, а Г. С. Губайдуллин нигде не упоминается. Впрочем, «пантюркизм», хоть и упомянут в деле, но играет второстепенную роль: главное — немногочисленные контакты академика с японскими гражданами, дававшие основание говорить о «шпионаже в пользу Японии».

В начале сентября многочисленные подследственные были рассортированы: Р. А. Ахундова, С. М. Эфендиева и других видных коммунистов отправили в Москву (уже там Ежов собирал у них показания на М. Д. Багирова, а с некоторых и показания на Л. П. Берия, которые Н. С. Хрущев использует в 1953 г.), где их 21 апреля 1938 г. расстреляли. Менее значительных лиц, в том числе всех беспартийных, оставили в Баку. Надо было ждать приезда «тройки» военной коллегии Верховного суда СССР. 16 сентября было составлено обвинительное заключение (т. 2, л. 505—511), утвержденное ближайшим помощником Багирова наркомом внутренних дел Азербайджана Ю. Д. Сумбатовым (этот практически неграмотный человек и, кроме всего прочего, гомосексуалист, любил лично участвовать в пытках). В заключении профессор был изображен как «один из идеологов пантюркизма на территории СССР» (т. 2, л. 505), который «организовал ряд вредительских актов на промыслах Азербайджана» и «являлся агентом турецкой, японской и немецкой разведки, ведя активную шпионскую деятельность» (т. 2, л. 511).

«Тройка», ездившая по разным регионам СССР, в Баку заседала три дня, с 11 по 13 октября 1937 г. На каждого осуждаемого отводилось по 20 минут. Г. С. Губайдуллина судили во второй день 12 октября, он подтвердил свои показания и был приговорен к расстрелу, подлежавшему «немедленному исполнению». Однако технически удобнее было расстреливать всех сразу, поэтому осужденных до 13 октября держали в камере смертников, где, как рассказал один из надзирателей, допрошенных при реабилитации Р. А. Ахундова, их Сумбатов и его заместитель Герасимов «избивали в специальных помещениях, где они ожидали, пока их повезут на расстрел» (т. 4, л. 333). Никаких показаний в тот момент получать уже не было

нужно, это был садизм в чистом виде. А в деле Г.С. Губайдуллина имеется справка о приведении смертного приговора в исполнение 13 октября (т. 2, л. 518).

Жена профессора Рабига Шакировна осенью 1937 г. также была арестована как «член семьи изменника родины» и отбыла пятилетний срок. С 1955 г. она начала хлопотать о реабилитации мужа, которая состоялась 18 марта 1957 г., то есть ровно через 20 лет после его ареста.

Г. С. Губайдуллин об исламском факторе в годы Первой мировой войны

Одной из важных тем истории Новейшего времени, анализируемых Г. С. Губайдуллиным, являлась проблема места исламского фактора в годы Первой мировой войны. В 1929 г. учёный, рассматривая антиколониальные движения 1914—1918 гг., происходившие под «лозунгами объединения ислама» (Туркестан, Марокко) пришёл к выводу о примате в них экономических, социальных и политических причин и чисто внешней, вторичной роли исламского фактора. По мнению Губайдуллина, данный феномен был связан с практической невозможностью интеграции «разноплеменных» народов Старого Света под религиозными знамёнами. Историк достаточно критически оценивал довоенную деятельность на «панисламистской» стезе российской «мусульманской интеллигенции» и лидеров османских «младотурок». Губайдуллин отметил острую «боязнь» панисламизма в верхах монархии Романовых и ключевое значение здесь положений по «мусульманскому вопросу», сформулированных в циркуляре царского Департамента полиции МВД от 18 декабря 1910 г. В конечном счёте историк пришёл к выводу о полном «банкротстве германо-турецкого панисламизма активного типа» к концу «империалистической войны». Представляется, что будущее мусульман учёный связывал с переустройством исламского мира по светской (кемалистской) модели.

Преимственность концепции истории татар Поволжья в трудах Газиза Губайдуллина

Ознакомление с публикациями Газиза Губайдуллина дает основание для вывода, что в своих исторических исследованиях он придерживался сложившейся в XIX веке концепции татарских историков относительно происхождения татарской нации (татар Поволжья), ее исторических корней. Родоначальником научной концепции генезиса татарской нации он по праву считал Шихабетдина Марджани — выдающегося мыслителя и просветителя своего времени (1818—1889 гг.) В ряде своих публикаций Г. Губайдуллин обосновывал научную концепцию, сложившуюся в российской исторической науке, существенно углубляя ее на основе доступных в то время арабских, персидских источников, а также источников из хранилищ Средней Азии и Кавказа, особенно Азербайджана.

Газиз Губайдуллин, родившийся в 1887 году, начал свою общественную, литературную и научную деятельность в Казани в период двух революций в России, т. е. в переломный период ее истории, когда многие народы страны особенно остро ощутили потребность в самосознании, самоидентификации и самоопределении. Хорошо образованный молодой человек не мог остаться в стороне от общественных движений своего времени: в 1917—1918 годах он участник Милли Шура, Милли Мэджлис и других общественных организаций. В первой половине 20-х годов он активно действует на научно-педагогическом поприще в системе просвещения Татарской Автономной Республики. Уже тогда в его исследованиях и публикациях прослеживается тенденция шире толковать проблемы взаимодействия культур, общность интересов тюркских народов живущих в едином пространстве. Именно этими мотивами можно объяснить интерес к татарам Крыма и Кавказа. В 1925—1933 гг., а затем в 1933—37 годах он работает в Азербайджане, заведует кафедрой истории Ближнего Востока, вносит существенный вклад в развитие востоковедения. Большой вклад внес он в изучение истории татарской литературы («Татар эдэбияты тарихы» т1—3 в соав-

торстве с Рахимом). Репрессирован по делу «Идель-Урал», погиб в 1938 г. посмертно реабилитирован.

Газиз Губайдуллин выступил в 1926 году на Первом Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку с обстоятельным докладом «Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов», в котором проследил развитие концепции генезиса нации волжских татар. Автор четко определил свои методологические позиции: тесную связь тюркских исследователей с русской историографией и с европейской традицией. Характерно, что в самом начале своего доклада он сделал ссылку на блестящий доклад академика Бартольда. Примечательно также утверждение его: «Марджани был первым тюрко-татарским историком России, вступившим на европейскую арену»¹.

Как историк Г. Губайдуллин выявил прежде всего историческую концепцию Ш. Марджани: «На VI Археологическом съезде 1874 года в г. Казани он выступил с докладом на тюрко-татарском языке по истории болгар и татар, в котором он старался выяснить до того неизвестные имена болгарских ханов. Этот доклад Марджани, который вошел впоследствии в «Труды Съезда», является первым опытом систематического изложения истории приволжских тюрков»². Как видим, Ш. Марджани стремился выявить по первоисточникам истоки государственности приволжских тюрков, а не генезис этноса, что к тому времени было хорошо известно по восточным хроникам. Его двухтомный труд, написанный арабским шрифтом и изданный в наше время на кириллице, имел выразительное название «Мустафад аль-Ахбар фи Ахвали Казан ва Булгар» или по-русски: «Источники по истории Казани и Булгара»³. Названия томов и глав, а главное фактическое содержание не оставляют сомнений относительно «булгаристской» концепции автора, которая обосновывалась свидетельствами из источников, которые сохранились в рукописном фонде Казанского университета, но многие могли быть утрачены в ходе антирелигиозной кампании 20-х — 30-х годов XX века. Здесь нет возможности излагать аргументацию

¹ Газиз Еубайдуллин, Научно — биографический сборник, Казань, 2002, с. 114.

² Газиз Губайдуллин. Цит. соч., с. 114.

³ Шихабетдин Мэргани. Мэстэфадел-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар. Казан, 1989.

автора. Однако фактом остается, что последующие историки развивали эту концепцию, ссылаясь на труды Ш. Марджани. Концепция Марджани получила признание русских ученых, что было отмечено Заки Валиди в статье «Марджани в русской литературе».

Заслуга Газиза Губайдуллина заключается в том, что он последовательно проследил преемственность научной концепции истории приволжских тюрок в исследованиях татарских историков XIX и XX веков. Последователем Марджани был Хусаин Фаисханов, который работал многие годы в Петербурге, на восточном факультете вместе с В. Зерновым. Другой современник Марджани — Каюм Насыри (1825—1902) не был последователем историка. Он подвергал критике его отдельные высказывания, но не опровергал основную концепцию. Заслуга К. Насыри заключается в том, что он собрал и опубликовал огромный объем этнографического материала, фольклорных произведений, подтверждавший преемственность культуры приволжских татар с наследием Великой Булгарии (*Bulgaria Magna*). Г. Губайдуллин опубликовал в 1923 году собранные К. Насыри материалы по истории болгар «Таварихи булгарие». Он отмечал также роль К. Насыри в отражении в его сочинениях истории приволжских татар периода Пугачевского бунта, а также периода свирепой реакции епископа Луки Канашевича (XVIII в.) Да и вторая половина XIX века была временем не только жестокой реакции, беспощадной цензуры царских властей и застоя в исторической науке (с. 118). В этой связи Г. Губайдуллин высоко оценивал деятельность публициста Гаспринского, который отстаивал концепцию общетюркской культуры.

В конце XIX — начале XX века активно содействовали распространению исторических знаний такие ученые как Юсуф Акчурин, опубликовавший брошюру «Тарих ва гулум» («История и наука»), а также «народный учитель» Гайнетдин Ахмаров (1864—1911), который в своих публичных лекциях опровергал теорию «чувашизма» болгар. Г. Губайдуллин признавал особую роль Риза-эддина Фахреддинова (1859—1936) в просвещении приволжских татар. Историк, религиозный и общественный деятель, живший в Бугульминском уезде, а также в г. Оренбурге, много сил отдавал распространению исторических знаний среди тюрок в пространстве между Волгой и Уралом. Его статьи и очерки составили книгу, которая вышла на татарском языке под названием «Тюрки Болгара

и Казани»¹ Уже первые главы этого труда раскрывают концепцию сложившуюся в XIX веке — концепцию болгарского происхождения культуры и государственности поволжских татар, история которых тесно связана не только с историей других тюркских народов, но и всего мусульманского мира (Дар уль Ислам), особенно с историей Афганистана, Ирана, Ирака, Египта. Это получило отражение в публикациях Ризы Фахреддина, что отмечено и в обзоре Газиза Губайдуллина.

Здесь следует отметить, что книги татарских историков до 1929 года выходили в печати арабским шрифтом, адаптированным к фонетике волго-татарского наречия тюркского языка. Реформа письменности — перевод на латиницу — была как бы прогрессом: приближением к европейской и мировой цивилизации. Однако на деле такая реформа, которая была проведена еще раньше и в Турции, отрезала целую нацию от предшествующих произведений литературы, в том числе от исторических источников. Целое поколение татар перед второй мировой войной получило образование на основе латинской письменности. Соответственно, и художественная и научная литература выходила на латинице. Но вот в 1939 году последовала новая реформа сверху: вся культура и образование татар переведены на другую письменность — на кириллицу. Таким образом, нация дважды отрезана от своих исторических корней, в то время как письменность других народов единого пространства оказалась более устойчивой, скажем, письменность грузин, армян, прибалтов. Робкая попытка Татарстана в конце XX века вернуться к латинице по техническим причинам получила однозначный отказ сверху от федеральных властей, хотя в любой федерации вопросы культуры остаются в ведении субъекта федерации. В самом деле не происходит ничего страшного: кириллица хороший шрифт, хотя и не вполне славянский и не учитывает особенности фонетики тюркских наречий. Конечно, экономичнее оставить однажды введенный шрифт. Этим шрифтом пользуется почти вся страна, этим шрифтом отпечатаны миллионы книг, в том числе на тюрко-татарском языке. Не делать же третье обрезание! История этого не допустит.

Однако вернемся к предмету обсуждения — творчеству газиза Губайдуллина как историка. В одной из первых публикаций его

¹ Ризазддин Фэхреддинев. Болгар ва Казан төреклэре, Казан, 1993.

мы находим статью на русском языке под названием «Умирает ли нация?» Автор предваряет ответ на этот вопрос рядом интересных обобщений: «Нации олицетворяют человеческую историю». «Все формы борьбы, общественных отношений, все вращается внутри нации». «Культуру создают нации» (с.84—85). Общий вывод автора не мог понравиться первому наркомнацу страны: «История развития человечества подтверждает не исчезновение института наций, а сохранение его и дальнейшее развитие», — писал Г.Губайдуллин (с.85). В самом деле нации не умирают сами по себе. Имеют место случаи уничтожения целых наций. Но это квалифицируется как геноцид — преступление против человечности. Нации бессмертны. Иногда их заставляют изменять название. Однако нации суверенны. Они имеют право на сопротивление, хотя бы на пассивное.

Исторические труды Газиза Губайдуллина сохранились не только благодаря сыну и внуку. Они сохранились в коллективной памяти нации, в исторической памяти народа и вновь увидели свет на родном языке².

Таким образом, можно сделать вывод, что Газиз Губайдуллин сыграл историческую роль в развитии концепции татарских историков, последовательно раскрывавших для будущих поколений происхождение волго-татарской нации, государственности при-волжских татар.

От Шигабутдина Марджани до Газиза Губайдуллина шло формирование концепции болгарского происхождения волго-татарской нации. Эта концепция получила авторитетное подтверждение российских ученых на сессии Академии наук в 1947 году, когда однозначно ученые сделали вывод об автохтонности волго-татарской нации. Во второй половине XX века татарские ученые придерживались этой концепции и своими исследованиями доказали правильность ее. В частности, археолог А.Х.Халиков своими исследованиями на раскопках домонгольской столицы Булгарии Биляра, лингвист М.Закиев своими фундаментальными исследованиями происхождения современного языка пяти-шести миллионной нации доказали на основе неоспоримых научных данных преемственность не только литературных, но и общекультурных традиций на-

² Газиз Губайдуллин.Тарихи сәхитииниифәлр ачылганда. Сайланма хезмәтләр. Казан, 1989.

рода.¹ Попытки публицистов и некоторых историков объявить татар наследниками Золотой орды, оспорить тысячелетие Казани и Булгар аль Джадид совершенно несостоятельны: за пять веков до нашествия Батыя в бассейне Волги и Камы существовало государство булгар, пришедших еще в УП веке из Приазовья. Историки знают об этом из арабских, персидских и прочих летописей, в особенности из манускрипта «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу» (Перевод И. Ю. Крачковского. М.-Л. 1939).

¹ Халиков А. Х. Происхождение татар оvolжья и Приуралья, Казань, 1978. Халиков А. Х. Кто мы –булгары или татары. Казань, 1992. Закиев М. З. Происхождение тюрков и татар. М. 2003.

Особая позиция Газиза Губайдуллина на I-м Всесоюзном тюркологическом съезде в 1926 г.

Крупнейшим научным востоковедческим мероприятием первых лет Советской России стал 1-й Всесоюзный тюркологический съезд, прошедший в 1926 г. в Баку. Следует отметить, что съезд носил не только научный характер. Ему придавалось большое политическое значение и предполагалась чрезвычайно важная роль в культурном строительстве национальных республик и автономий. Именно поэтому, кроме известных ученых (преимущественно — востоковедов) В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга, А. Н. Самойловича, Б. В. Чобан-заде, в работе съезда и разработке его программы приняли участие политические и общественные деятели, представлявшие довольно широкую палитру идеологических оттенков. Среди них были как представители партийного руководства республик — Нариман Нариманов, Рыскулов, Джалал Коркмасов, Галимджан Ибрагимов, Назир Тюрякулов, так и лидеры националистических движений, например — Ахмет Байтурсунов.

Во многом это объяснялось политическим характером и остротой одного из основных вопросов, которые предполагалось обсудить и предложить в виде экспертной рекомендации Правительству СССР — выбору и разработке национальных алфавитов, их модернизации и возможной унификации.

Тем не менее, съезд открылся докладами представителей фундаментальной науки, которые явно не желали принимать участия в ожидавшейся крайне острой и часто принимавшей неакадемические формы дискуссии. Ими были предложены доклады обобщающего характера по различным аспектам тюркологии, преимущественно филологической направленности, ставившие одновременно исследовательские и научно-организационные задачи. Например, доклад В. В. Бартольда «Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей»², доклад Г. Ф. Чурсина «Бли-

² Самойлович А. Н. Современное состояние и ближайшие задачи изучения турецких языков. Первый Всесоюзный тюркологический съезд. Стенограф, отчет, Баку, 1926, стр. 131—139.

жайшие задачи этнографического изучения кавказских тюрков»¹, доклад А. Н. Самойловича «Современное состояние изучения тюркских языков и его ближайшие задачи»² и пр.

Это устранение представителей традиционной русской научной школы, сформировавшейся еще в дореволюционный период, от прикладной и спорной тематики вызывало плохо скрываемое раздражение партийных функционеров в Президиуме съезда, что нашло отражение, например в высказывании члена азербайджанской делегации М. Д. Гусейнова «ЦК знает, что это дело создано для алфавита. Мы же знаем, что съезд создан не для того, чтобы выслушивать доклады Бартольда или Самойловича (смех в зале), а для того, чтобы выяснить точку зрения на алфавит»³.

Вопросам же формирования алфавитов было придано настолько серьезное политическое значение, что для докладчиков по этой теме был даже отменен регламент. И нудный и утомительный для слушателей изобилующий незначительными примерами доклад Галимджана Шарафа не прерывался более трех часов. Немецкий тюрколог Теодор Менцель вспоминал позднее: «Его доклад был самым длинным; он говорил более 3 часов в состоянии нервной возбужденности, хотя он не прерывался председателем, и без учета психологии слушателей, которые из-за продолжительности его выступления были лишены должного эффекта... Несколько вялые толкования Шарафа... не произвели глубокого воздействия на слушателей, и даже многие из его слабо обоснованных утверждений вызывали противодействие»⁴.

Особенно острая дискуссия по вопросу выбора алфавита: упростить ли арабский, или перейти на латнизированный, развернулась между делегациями Азербайджана и Татарстана.

¹ Чурсин Г. Ф. Ближайшие задачи этнографического изучения кавказских тюрков. Первый Всесоюзный тюркологический съезд. Стенограф, отчет, Баку, 1926, стр. 72 -76.

² Бартольд В. В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей. Первый Всесоюзный тюркологический съезд. Стенограф, отчет, Баку, 1926, стр. 21- 32.

³ ГАРФ, Ф. Р-5402, Оп. 1, Д. 109, Л. 41.

⁴ Menzel Th. Der 1. Türkologische Kongress in Baku Der Islam. 16 (1927) 3—4. S.188, 192.

Несмотря на обсуждение, окончательное решение уже было принято за спиной делегатов. Вопрос алфавита бурно обсуждался на заседании фракции ВКП(б) 1 марта 1926 г., которое происходило одновременно со съездом. После того, как Михаил Павлович Павлович (Вельтман) зачитал резолюцию ЦК ВКП(б), татарский делегат Ахметхади Максудов заявил: «Это значит, что ЦК нам запрещает принятие резолюции такого категорического характера — с одной стороны, и — с другой стороны, ЦК партии нас не обязывает принимать резолюцию положительного характера»⁵. С ним не согласился представитель делегации с Северного Кавказа. Он заявил, что выбор подходящего алфавита — партийный вопрос. Татарский писатель Шамиль Усманов согласился с ним: «Почему Казань против латинского алфавита? Тут определенное давление полиграфической промышленности, они не хотят гегемонии. Как относятся там к идее нового алфавита? Там говорят, что нельзя в стране, где занимаются полиграфическим делом, проводить новый алфавит, потому что страна держится на плечах этой полиграфической промышленности».

Подобные аргументы выдвигали и другие ораторы. Они также указывали на то, что вопрос принятия алфавита входит в сферу партийных интересов. Казахский общественный и партийный деятель и просветитель Назир Тюрякулов даже обвинил казанскую делегацию в попытке образовать меньшевистскую фракцию. Несколько позже азербайджанец Мамед-заде упрекал Татарстан в издании для духовенства 300 тыс. экземпляров Корана на реформированном татарском алфавите.

В конце концов сильное давление на татарскую делегацию привело к тому, что большинство голосов на съезде было подано за «пролатинскую» резолюцию. При 101 голосе «за» и 7 голосах «против» (при 9 воздержавшихся) была принята резолюция, отдававшая предпочтение латинскому алфавиту: «Констатируя преимущества и техническое превосходство нового тюркского (латинского) алфавита над арабским и реформированным арабским алфавитом, а также огромное культурно-историческое и прогрессивное значение нового алфавита сравнительно с арабским. Съезд считает введение нового алфавита и метод его проведения в от-

⁵ ГАРФ, Ф. Р-5402, Оп. 1, Д. 109, Л. 28.

дельных тюрко-татарских республиках и областях делом каждой республики и каждого народа»¹.

Поведение татарской делегации свидетельствовало об отсутствии единой линии. Так, Атнагулов воздержался от голосования, несколько татар (в том числе и Шараф) проголосовали против, а Ибрагимов поднимал руку как «за», так и «против», а может быть, и воздержался. Как иронизировал по этому поводу один татарский журналист в правительственной газете, Ибрагимов таким оригинальным способом отдал должное партийному поручению «в принципе не возражать, практически в отношении ТССР считать невозможным перейти на новый шрифт»².

Для Газиза Губайдуллина, хорошо известного коллегам, собравшимся на съезде, как историк, писатель и просветитель, ситуация оказывалась достаточно сложной. С одной стороны, он жил и работал в Баку вместе с азербайджанскими тюркологами, с другой — от него ожидали поддержки земляки — татарские ученые.

Какой же выбор он сделал?

Политической конъюнктуре, которая сулила на тот момент популярность и сомнительные лавры в национальной среде, Газиз Губайдуллин предпочел фундаментальную науку. В отличие от деятелей, прибегавшим в дискуссии к декларированию и навязыванию слушателям субъективных истин, он, прежде всего, отметил научное значение сообщений выдающихся русских востоковедов — В. В. Бартольда и А. Н. Самойловича, и сделал доклад о «Развитии исторической литературы у тюрко-татарских народов»³. Хотя, по его собственным словам, в своем докладе он лишь изложил ход развития истории тюрко-татарских племен, выполненных трудами самих тюрко-татарских ученых. Прежде, чем приступить к докладу, Газиз Губайдуллин особо отметил, что он будет касаться лишь тех произведений по истории тюрко-татар, которые написаны тюрками Советского Союза, и под влиянием западноевропейской историче-

¹ Первый Всесоюзный Тюркологический Съезд. 26 февраля — 5 марта 1926 г.: Стенографический отчет. Баку, 1926. С. 401.

² ЦГАИПД РТ Центральный Государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф.15, оп.2, д.19, л. 177.

³ Г.Губайдуллин. Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов. // Первый Всесоюзный тюркологический съезд. — Баку, 1926. — С. 39—57.

ской науки. Г. Губайдуллин впервые делает весьма обширный обзорный очерк практически неизвестных европейским тюркологам исторических работ Ш. Марджани, И. Хальфина, Мурада Мекки, Бакиханова, К. Насыри, Р. Фахретдинов, Мунира Гади, З. Валидова, Р. Измайлова и др.

В докладе отмечалось, что «появление у российских тюрков исторических произведений (под влиянием европейской или русской историографии) связано с их возрождением, под влиянием европейской цивилизации, в первую очередь, это возрождение началось у тех тюркских племен, у которых раньше всех начал развиваться капитализм и господствующим классом сделалась национальная буржуазия. Таким народом среди российских тюрков являются приволжские татары, которым способствовали их нахождение на старинном торговом волжском пути и очень раннее соприкосновение с европейской культурой через русских».

Отдавая должное заслугам и вкладу татарских просветителей в изучение истории тюрков Г. Губайдуллин отмечает и слабые стороны этих первых исторических очерков: «почти у всех тюркских историков не хватало знания методов исторического исследования. Замечалось отсутствие школы, так как все они не имели специальной подготовки. Большинство из трудов носили популярный характер, и во многих из них замечалось малое знакомство с историческими источниками и специальной литературой, особенно западноевропейской»⁴.

Г. Губайдуллин предлагает: во-первых, обратить серьезное внимание на подготовку молодежи к научной деятельности, поскольку по его словам, «тюрки сами, зная жизнь современных тюркских народов и владея восточными языками, живя сами на той территории, где происходили исторические события, могут принести большую пользу науке, что показали до сего бывшие опыты». Во-вторых, в целях популяризации и приближения исторической науки к тюркским массам необходимо приступить к переводу важнейших произведений русских и европейских историков по истории тюркских народов. В-третьих, в тех же целях Губайдуллин предлагал присту-

⁴ Г. Губайдуллин. Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов. // Первый Всесоюзный тюркологический съезд. — Баку, 1926. — С. 39—57.

пить к планомерному изданию источников по истории с переводами их на современные тюркские языки. И в-четвертых, Губайдуллин признавал весьма желательным расширить археологические и археографические изыскания в целях увеличения материалов по истории материальной культуры тюркских племен.

Таким образом, можно заключить, что, участвуя в 1-м Всесоюзном тюркологическом съезде, Г.Губайдуллин, как ученый-тюрколог, оказался выше узко национальных прикладных проблем и, первым предложив историографию сочинений по истории тюрков, написанных татарскими просветителями, может быть отнесен к группе теоретиков исторического востоковедения, чьи труды сохраняют свое научное значение и до настоящего времени

История татарского народа в работах Г. Губайдуллина

Научное наследие профессора Г. Губайдуллина насчитывает более 100 работ научного и научно — популярного характера. История, литература, публицистика, историография и источниковедение — это далеко не полный круг творческих интересов ученого. Точкой отсчета начала творческой деятельности сам ученый считал 1907 год, когда в газете «Казан мухбире» была опубликована его статья «Марс — кан» («Марс — кровь»). Начиная с этого времени вплоть до 1917 года среди работ Г. Губайдуллина преобладали публицистические статьи. Все опубликованные работы относятся к 1907 — началу 1930-х годов. Это монографии, цикл статей научного и научно — популярного характера. Монографических исследований не много. В основном они изданы в Казани на татарском языке и посвящены истории татарского народа, за исключением трех работ: «Тарихи әдьян» («История Религий»), «Профессор Випперның эсәренә иктисаба язылды» («Всеобщая история, созданная на основании труда Виппера») и «Русия тарихы» («История России»).

Значительная часть исследований 1930-х гг. была не опубликована. В это время историк, в основном, жил и работал в Баку, куда он уехал в 1925 году. Начиная с этого времени, происходят изменения и в тематике научных исследований ученого. Он начинает разрабатывать проблемы связанные с историей Средней Азии, Азербайджана, Кабардино — Балкарии и др. Таким образом, одно основных направлений его творчества — история татарского народа отходит на второй план.

Г. Губайдуллина ученый мир знает, прежде всего, как тюрколога и историка феодализма. Первые его работы не имели ничего общего с тюркологией. Печататься он начал еще в студенческие годы. Одна из первых работ была опубликована в газете «Йолдыз» и посвящена арабскому философу Ибн Халдуну. По мнению молодого историка Ибн Халдун и Аристотель придерживались схожих мнений в отношении государства. Работы, посвященные истории татарского

народа начинают появляться после 1917 года. Г.Губайдуллина интересовали проблемы становления, расцвета и падения трех средневековых государств, непосредственно связанных с этнической историей татарского народа — Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. В такой последовательности история татарского народа впервые была сформулирована в трудах Ш.Марджани. В последующие годы эта историческая традиция с некоторыми изменениями и дополнениями была принята и развита в трудах Р.Фахрутдинова, Х.Атласи, Б.Баттала и др. Поэтому, когда начал свои исследования молодой историк определенная база уже существовала.

Многие аспекты истории татарского народа впервые были рассмотрены в трудах Г.Губайдуллина. Его можно назвать «первопроходцем» в исследовании социальных изменений татарского общества после завоевания Казанского ханства. В связи с этим необходимо отметить его работу «Татарларда сыйныфлар тарихы XVII, XVIII, XIX гасырларда» («История классов у татар в XVII, XVIII, XIX веках»). В 1925 году книга переиздавалась дважды. Толчком к появлению этого исследования послужило увлечение отечественных историков изучением классовой борьбы, революционного движения в соответствии с требованиями времени. Работа написана на основании опубликованных и архивных материалов и содержит ценные сведения по истории татарского общества XVII—XVIII вв. Следует отметить и работы Г.Губайдуллина об участии различных слоев татарского общества в восстаниях С.Разина и Е.Пугачева: «Несколько слов об участии татар в народных движениях XVII в», «Стенька Разин һәм татар крестьяннары» («Стенька Разин и татарские крестьяне»), «Пугачев явында татар — башкортлар» («Татаро — башкиры в пугачевском восстании»), «Татар — башкорт крестьяннары хәрәкәте» («Движение татаро — башкирских крестьян»).

Одним из первых профессионально изучением творчества И.Гаспринского занялся Г.Губайдуллин. Одна из лучших работ ученого, созданная в 1920-е годы на основании восточной, русской и западноевропейской литературы, была посвящена анализу его взглядов. И, особо привлекает внимание новизной в исследовании истоков не только идеологии И.Гаспринского, но и джадидского движения среди казанских татар. Его работа «Гаспринский и язык» долгие годы оставалась в рукописи. Ученый ставит целью анализ взглядов

И. Гаспринского связанных с созданием «единого языка». Работы написаны по канонам того времени. Историк старался придерживаться принципов марксистско-ленинской идеологии. Основным вывод Г. Губайдуллина — газета «Терджиман» являлась органом буржуазии и не смогла стать народной газетой. Такого же мнения придерживался и Дж. Валиди. Он еще в 1914 году назвал И. Гаспринского «идеологом буржуазии».

Своими трудами Г. Губайдуллин внес существенный вклад в изучение истории тюркских народов России и прежде всего татарского народа. Ценность его работ заключается в своеобразной методике подготовке подготовки трудов, доступных широкой читательской аудитории, стиле и манере письма, концептуальном изложении материала.

Г. С. Губайдуллин о хазарах и Хазарском каганате

Это отраднo, что возобновился интерес научной общественности к жизни и творчеству Г. С. Губайдуллина. Научное наследие Г. С. Губайдуллина представляет несомненный интерес и ряд его работ незаслуженно забыт, а в свете последних открытий в археологии, языкознании и этнографии приобретают новое значение не только для тюркологии, но и в целом для истории России. Одной из таких работ является его обстоятельный очерк «К вопросу о происхождении хазар», который вышел в свет в 1927 году в виде отдельной брошюры в Баку¹. Этот вопрос кратко рассмотрен им в его «Истории татар» на татарском языке (1923). Г. С. Губайдуллин, как и ряд других исследователей (Ф. Г. Мищенко², А. И. Яцимирский³, С. Е. Малов⁴ и др.) считал, что на юге восточноевропейских степей с древнейших времен кочевали тюркские племена. По его мнению, в I в. н.э. тюрки уже прочно утвердились в степной части Поволжья, а финно-угры занимали лесную часть. Но гуннов, появившихся в Восточной Европе в 374 г. н.э., он считает потомками центрально-азиатских сюн-ну (хуннов), разбитых Китаем в 93 г. н.э. В этом мнении он примыкал к мнению таких исследователей, как К. А. Иностранцев и возможно был знаком с его обстоятельной монографией «Хунну и гунны»⁵. Г. С. Губайдуллин отмечал, что гунны, вторгшиеся в Поволжье, Прикубанье и на Северный Кавказ оказались в среде

¹ Губайдуллин Г. С. Заметки о происхождении хазар // Известия Восточного факультета Азербайджанского государственного университета. Востоковедение. Т. 1. Баку. 1926. С. 49—74; Его же. К вопросу о происхождении хазар. Баку. 1927 (отдельный оттиск из «Известий Общества обследования и изучения Азербайджана»).

² Мищенко Ф. Г. Этнография России у Геродота // ЖМНП. 1896. № 5. С. 79; Его же. К вопросу о царских скифах // Киевская старина. 1884, № 5.

³ Донская археология. 2011. №3—4.

⁴ Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XI. Вып. 2. М. 1952. С. 135—143.

⁵ Иностранцев К. А. Хунну и гунны. Л. 1926.

тюркских племен, уже давно в этих местах проживавших. Гунны по его мнению подчинили эти тюркские племена и влились в их среду. Великая (Черная) Булгария, основанная Кубратом и Хазарский каганат, по его мнению, были прямыми наследниками державы Аттилы⁶. Г. С. Губайдуллин связывал происхождение первых булгарских ханов с Аттилой и европейскими гуннами. В частности он приводит легенду о том, что после смерти Аттилы его младший и самый любимый сын Арнияк (тюрк. Ирнак, Ирник, Ини, Иниш) обосновался со своим войском и в степях Приазовья. Г. С. Губайдуллин высказывает предположение о том, что именно Ирнак мог быть первым правителем волжских булгар. Г. С. Губайдуллин считал, что хазары были культурным народом, а Хазарский каганат вовлек Древнюю Русь в обширные торговые и культурные отношения с Востоком и Западом. Г. С. Губайдуллин отмечал губительную роль, которые сыграли в истории Восточной Европы набеги варягов, которые находились на значительно более низком культурном уровне, нежели хазары. Они, по его мнению, своими грабежами внесли нестабильность в экономику Хазарии, что и явилось одной из причин развала этого государства. Он также считал, что наследие Хазарского каганата явилось во многом тем фундаментом, на котором выросла культура и государственность уже Киевской Руси и других народов Восточной Европы.

При жизни Г. С. Губайдуллина вышли и рецензии на его работы, среди которых рецензии Н. Н. Фирсова, опубликованные в «Вестнике научного общества Татароведения» в 1927—1928 гг. Не оставил без внимания Н. Н. Фирсов и недавно вышедшую работу Г. С. Губайдуллина «Заметки о происхождении хазар». Н. Н. Фирсов в этой рецензии положительно оценил работу и считал, что Г. С. Губайдуллин с «каждой новой статьей делает новые научные успехи». Несомненно, работы Г. С. Губайдуллина посвященные ранней истории тюрков Восточной Европы должны быть сведены воедино и переизданы одним томом. Это будет ценным подспорье, прежде всего, для современных тюркологов и востоковедов.

⁶ Файзрахманов Г. Л. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. Казань. 2000. С. 8—9; Губайдуллин Г. С. Татар тарихы (История татар на тат. яз.). Казан. 1923. С. 13—17 (переиздана в 1994 году на русском языке в Москве).

Отражение научной и общественной деятельности Газиза Губайдуллина в «кривом зеркале» материалов Восточного отдела ОГПУ (1921—1923 гг.)

Проблема взаимодействия историка и изучаемой им исторической реальности входит в круг наиболее востребованных научно-теоретических проблем. Каким образом ученый, препарируя предшествующие события, сам становится творцом прошлого, настоящего и будущего — этот вопрос не устанет волновать умы исследователей. Поэтому в своих изысканиях мы объективно обращаемся к тематике: «личность в истории», «историк и его время» и т. д.

В свою очередь судьба Газиза Губайдуллина и судьба его исторического наследия с научной точки зрения может выступать индикатором отношения власти и общества, а материалы о нем дать почву для рассуждений о фобиях советского режима. Кроме того они помогают вполне зримо увидеть историческую роль, взгляды и судьбы татарской национальной элиты, пытавшейся реализовать себя и свои убеждения в рамках постреволюционной России.

Исследование охватывает наиболее «темный» период жизни ученого в Казани и базируется на ранее не опубликованных архивных материалах Центрального архива ФСБ РФ, которые отражают деятельность Восточного отдела ОГПУ в период 1921—1923 гг. В данный период начиналась активная разработка «восточного вопроса», рассмотрением которого занималось специально созданное подразделение «Восточный отдел» ОГПУ¹. В поле зрения данной структуры и оказались представители татарской национально-религиозной элиты, к коей, бесспорно, относился Г. С. Губайдуллин.

Материал Восточного отдела достаточно обширный, многоплановый, и касается как национально-религиозного движения в целом,

¹ Арапов Д. Ю., Косач Г. Г. Ислам и мусульмане по материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 год / Под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. Москва — Нижний Новгород: ИД «Медина. 2007. С. 12—13.

так и самых ярких его представителей. Нашему анализу были подвергнуты перлюстрированная почта, данные осведомителей, объединенные в т. н. меморандумы, а также доклады по национально-религиозному движению в Татарской республике, которые являются, по сути, обобщающими заключениями, включающими в себя агентурные разработки и имеющиеся исторические, научные сведения.

Как свидетельствуют документы, именно в этот период закладывались «кирпичики» в фундамент будущих роковых обвинений, в том числе и в адрес такой знаковой и яркой фигуры как Газиз Губайдуллин. Его имя регулярно всплывало в ежемесячных сводках Всетатарского Отдела ГПУ (руководитель — тов.Шварц) за 1921—1923 гг. В имеющихся списках татаро-башкирской интеллигенции, за которой в 1922 г. было установлено негласное наблюдение, присутствует его фамилия. Согласно имеющимся данным, «особисты» достаточно обстоятельно были информированы о том, какой деятельностью занимался ученый.

В сводках за 1921 год значится, что он работал в Восточно-Педагогическом институте, который являлся «центром татарской научной мысли». Тогда же он вместе с профессором Фирсовым при поддержке коммунистов — Сайфи и Максудова — организовать в Казани научный кружок по изучению Востока, но по независящим от них обстоятельствам эта инициатива не реализовалась².

В рабочих данных за 1922 г. фиксируется особая активность национальной интеллигенции, чья деятельность, как полагали чекисты, была сконцентрирована вокруг формировавшихся в Казани обществ — «татароведения» и «врачей-татар». Руководителем первого назывался Газиз и, по прогнозу ГПУ, именно он мог стать одним из лидеров этого движения. С этого года за ним было установлено постоянное наблюдение.

В выписках из меморандумов по восточным разработкам Татполитотдела ГПУ (апрель—август 1923 гг.) о нем сказано следующим образом:

Газиз Губайдуллин — «известный казанский ученый, преподаватель Восточной Академии в Казани». Восточно-Педагогический институт, который являлся «центром группирования татарской научной мысли, за отсутствием средств прекратил свою работу».

² Центральный архив ФСБ РФ (далее ЦА ФСБ РФ). Ф.2. Оп.1 Д.690. Л. 12.

Чекисты отмечали высокий авторитет Газиза среди татар, причем он простирался за пределы академического сообщества: В частности он был членом Комиссии по шариатному праву при Татарском наркомате юстиции, которая занималась переработкой советских законоположений на основе религиозно-бытовых особенностей татар. Он же назван «начальником Управления Сел/хоз. Образования при Наркомземе, членом губернского Помгола». Он же был связан «с деятелями органов Народного образования и с видными коммунистами»¹.

В августе 1923 г. в списке из 105 наиболее видных т. н. националистов-панисламистов значился под номером 30. О нем сказано: «Продолжает занимать такое же солидное положение, как и раньше в Татнаркомземе, Татнаркомпросе как крупный татарский научный работник, в тоже время как историк занимает солидное положение в только что организованном при его ближайшем участии обществе татароведения (оно было создано при Академическом центре Татарского народного комиссариата просвещения). Татары же его вообще считают первым профессором» [Там же].

Заметим, что в числе организаторов «общества» значились наиболее авторитетные и образованные представители татарской и русской интеллигенции: профессора Фирсов и Худяков, Г. Бобинский, Г. Максудов, Ф. Амерханов, Г. Шараф, Б. Шараф, И. Биккулов, З. Валидов, К. Сагитов, М. Курбангалеев².

Целями «общества», которые были заявлены в Уставе, значились: разностороннее изучение татарского народа в области истории, этнографии, археологии, археографии, а также «монографическая разработка новой и новейшей истории татар Поволжья с постановкой вопросов: 1. Развитие торгового капитала у татар; 2. Классовая борьба и история революционного движения; 3. История крепостного крестьянства в Казанском ханстве; 4. Зарождение пролетариата и буржуазии у татар». В производственном плане был заявлен сбор материалов по статистике, этнографии, антропологии и природоведению республики. Было решено издать в первую очередь: полную биографию татароведения, карту археологическую и археологических заповедников ТАССР. Далее чекисты довольно

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.1. Д.689. ЛЛ.27 об.-28.

² ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.1 Д.690. Л. 63.

обстоятельно анализируют рабочие материалы общества, то, какие лекции в нем читаются. «Уже заслушан доклад Худякова, доклад Фирсова о разинском движении в Поволжье, доклад Гали Рахимова и Губайдуллина «Изыскания об одном турецко-татарском корне», сообщение Бороздина о работах Всероссийской научной ассоциации Востоковедения при Наркомнаце³.

Всетатарский полиотдел ГПУ отслеживал личные контакты ученого. Под их неусыпным наблюдением находился, к примеру, отец Газиза — известный в Казани и за ее пределами промышленник Салих Губайдуллин. Так, в разделе «о казанской буржуазии» отчета за сентябрь-октябрь 1923 г. зафиксировано следующее: «...в часовой мастерской Шакира Бигеева ежедневно собираются почти одни и те же старики-буржуа вроде Салиха Губайдуллина, отца видного историка, где обсуждают вопросы о положении в Турции, за границей и отдельные вопросы Советского строительства»⁴.

Но более всего разведку интересовали связи и общение Газиза в академических и религиозных кругах: его контакты с казанской профессурой, духовенством. (Отметим, что связи с профессурой будут одним из фокусов внимания в разработке еще одного татарского национально-религиозного лидера, Мусы Бигиева, связи которого с выдающимися востоковедами Самойловичем и Крачковским подвергались тщательному анализу).

Какую оценку деятельности ученого давали органы ГПУ? Отметим, что в материалах 1922 г. Всетатарский отдел ГПУ весьма осторожен в оценках деятельности Газиза Губайдуллина. Ему пока еще не приклеен ярлык «контрреволюционера и национал-шовиниста-панисламиста». И в целом констатировалось, что как таковой контрреволюционной организации национал-религиозных лидеров на территории ТАССР не существует⁵.

Картина заметно меняется в 1923 г., когда в докладе за август отмечается, что татарские интеллигенты составляют в республике костяк «националистической организации, которая имеется, может быть, только с неофициальным организационным построением». Основу ее составляет «группа «узких националистов», главой ко-

³ ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.1. Д.689. Л.65.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.1. Д.690. Л. 57.

⁵ Там же.

торой являются 10 человек, среди них — Г. Газиз. Задачи этой, наиболее активной, группы следующие: 1) захват влияния в важных отраслях советского строительства; 2) реализация мероприятий по национальному вопросу — внедрение татарского языка, привлечение эмигрантской интеллигенции на различные посты в советские учреждения.

Помимо упрека в национализме над фигурой Газиза начинает витать угроза обвинения в панисламизме. С этой точки зрения, наибольший интерес вызывали связи ученого с татарской эмиграцией: указывалось что харбинские эмигранты Гисаматуллин, Аль-Кадыри и другие «уже в своих письмах на имя руководителя общества татароведения Губайдуллина предлагают свои услуги по обследованию местностей Дальневосточного округа». В перлюстрированной переписке с харбинскими эмигрантами встречаются замечания — передайте привет Газизу Губайдуллину¹.

Но при этом отмечалось, что Г. Губайдуллин старается формально отделиться от известных эмигрантов с тем, чтобы не навести на себя и других подозрения: «приезжим из эмиграции он предлагает к нему не заходить, а в письмах предупреждает о цензуре, стараясь важные пересылать через людей». Что, заметим, заставляло чекистов нервничать и за неимением очевидных доказательств его причастности к различным антисоветским делам для возможности ареста сфабриковать на него в 1925 г. уголовное дело по нелепому обвинению в краже².

Чекисты сетовали, что бороться с т. н. националистами и панисламистами непросто, так как для них была характерна «большая внутренняя спайка, общая солидарность, бережно сохраняемые родственные связи».

Т. о., фактически два года понадобилось чекистам, чтобы сконструировать наличие националистической и панисламистской организации в Татарии, активистом (первой) и участником (второй) якобы являлся ученый Губайдуллин. Однако умозрительность заключения подтверждается материалами самих разведчиков.

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.1. Д.689. Л. 90.

² Газиз Губайдуллин. Научно-биографический сборник. — Казан: Рухиат, 2002. С. 36.

Анализ данных материалов дает основание говорить, что любой религиозный и национальный лидер находился под пристальным наблюдением. Напомним, что мнения жандармерии относительно жупелов панисламизма и пантюркизма плавно перекочевали из до-революционной эпохи в постреволюционную чекистскую практику. Следует сказать, что на уровне среднего звена чекистов в этот период не было четкого понимания сути того, что называлось панисламизмом, пантюркизмом. Чаще всего эти понятия смешивались. Эта запутанность, впрочем, не влияла на итоговую оценку и тех, и других: все они обозначались термином «контрреволюция».

Очевидно, что властям был угоден только подшефный, подконтрольный (что зачастую означало сотрудничающего с органами) религиозный и научный деятель. Из материалов дел следует, что эту роль Г.Губайдуллин не собирался играть. Любая общественная активность была небезопасна, что, по-видимому, уже в это время понял и осознал Газиз Губайдуллин. Однако высокая мера личной и гражданской ответственности, высокая научная этика, авторитет в академической и общественной среде — все это не давало ему оставаться «в тени» происходивших событий, делая его по сути заложником исторической ситуации и политической конъюнктуры и формируя драматическую линию его судьбы.

Эпоха и жизнь Газиза Губайдуллина

Будущий тюрколог родился в эпоху больших надежд России на светлое будущее — эпоху начала стремительного развития капитализма, а погиб в годину страха, становящегося неременной составляющей подсознания советского интеллигента. Жизнь ученого уложилась в две эпохи России. Первая половина его жизни совпала с эпохой первоначального накопления капитала с его далеко не гуманным лицом, вторая — строительства нового, как надеялась страна, самого справедливого общества на Земле, которое в 1930-х оказалось сродни самому мрачному средневековью.

На рубеже веков Россия вышла на первое место по рождаемости. В 1897—1913 гг. население страны увеличилось на 58 %. Как никогда быстро разрастались города. Рост городского населения почти вдвое обгонял общий прирост населения страны. Одно из проявлений благополучия или неблагополучия жизни народа — динамика численности населения. Демографические темпы роста — это тот индикатор, который свидетельствует о наличии в коллективном бессознательном этноса представления о возможности достижения наиболее желанных базовых ценностей или отсутствия такой возможности. Конечной целью всех душевных устремлений человека является уравниловка, безопасность, приспособление, целостность¹. В начале XX века у жителей России преобладали оптимистические настроения.

Газиз Губайдуллин был представителем одного из самых быстро развивающихся народов Российской империи, уверенно смотрящего в свое будущее, народа, в коллективном бессознательном которого была вера в реальную возможность устранения негативных сторон жизни. По рождаемости русские занимали одно из первых мест, но их опережали татары. Благодаря исследованиям Да-

¹ Адлер А. Индивидуальная психология / История зарубежной психологии (30-е — 60-е гг. XX в.). Тексты. М., 1986, 344 с., с. 134.

мира Исхакова² сегодня мы знаем, что за период с XVIII по начало XX века численность волго-уральских татар возросла в 11,2 раза. Такие темпы роста свидетельствуют о духовном здоровье этноса, веры в своей способности успешно преодолеть грядущие невзгоды.

Быстро изменялся внешний облик городов, они становились все более похожими на европейские. В столицах строились многоэтажные «доходные» дома, проводились водопровод и электрическое освещение, появились новые виды транспорта: конка и электрический трамвай. Провинция с некоторым, но довольно кратким отставанием, следовала за столицами. Изменялся образ жизни средних слоев. Будущий ученый родился в семье представителя динамичного социального слоя, основной движущей силой перемен — купечества. Российское купечество в это время в массовом порядке осуществляло формационный переход от средневековой торговли к промышленному производству. Отец будущего историка — Салих Губайдуллин находился в русле общего потока реформирующейся России. Начав с небольшого капитала, полученного в наследство от отца, в начале XX века он стал одним из самых видных купцов Казани, фабрикантом. Мать Газиза Губайдуллина была одной из дочерей известного казанского богача Айтуганова.

В конце XIX — начале XX века городские жители России по внешнему облику перестали отличаться от европейцев. Лишь крестьяне и служители культа продолжали носить традиционную национальную одежду. Изменить внешний облик было много проще, чем систему ценностей. Стратегическая задача состояла в другом: страна стояла перед необходимостью не только сменить одежду традиционную национальную на европейскую, лошадь — на автомобиль, трамвай и поезд, пользоваться для связи не столько «оказией», сколько почтой, а также еще недавно неизвестными телеграфом и телефоном. В городской быт, буквально ежедневно входили многие другие, неслыханные раньше новшества. Надо было не только принимать их, но делать много большее — коренным образом переосмысливать основы своего существования, изменять представления о мире и о себе.

² Исхаков Д. М. Этнодемографическое развитие татар в XVIII—XX вв. и их традиционная культура / Из истории Альметьевского региогна. Казань: Изд-во «Татполиграф», 1999. — 350 с., с. 27, см. также с. 40—50.

Это осмысление и переосмысления бытия, мира и своего личного места в нем — психологически самый трудный для человека процесс переоценки ценностей — проходил у всех современников Газиза Губайдуллина, но по-разному. Этот процесс разделял людей, в том числе и самых близких, противопоставлял их друг другу и, в конечном итоге вылился в кровопролитную Гражданскую войну. Национальным окраинам предстояло сделать то же самое, что и столицам, но «пробежав» быстрее и значительно большее расстояние.

Отец историка, который уже в XIX веке с размахом и по-европейски вел дела и выглядел по-европейски презентабельно, сына послал учиться в весьма консервативное, старометодное, как говорили в то время, учебное заведение, в то, в котором сам в свое время учился — медресе «Халидия». Но в пору его молодости в середине XIX века это учебное заведение вовсе не было консервативным и возглавлялось тогда одним из самых выдающихся представителей татарского народа XIX века — Шихабом Марджани. В начале же XX века «Халидия» казалось ориентированной на Европу татарской молодежи оплотом средневекового мракобесия. Современник ученого И. Аитов писал впоследствии о Газизе и его учебе в медресе: *«Он сам был долгие годы шакирдом в одном из худших дореформенных медресе, «кадым», где даже употребление черных классных досок, как цвет шайтана, считалось греховным делом, а ученики сидели прямо на полу, обходились без парт»*. Вероятно, это медресе вовсе не было столь плохим, но лишь казалось на фоне стремительных перемен в стране, на фоне осознаваемых и полуосознанных задач, стоявших перед татарским народом в эпоху, когда Россия ускоренными темпами догоняла Европу.

Восемь лет с 1895 по 1904 г., когда Газиз учился в медресе «Халидия», куда он должен был приходить до восхода солнца, а уходить из школы около 9 часов вечера, посвящая весь день духовной схоластике, пришлось на ту пору, когда у человека происходит естественный процесс формирования системы ценностей 12–18 лет. В стены консервативного духовного училища доходили слухи о грандиозных изменениях: о развитии промышленности, о строительстве великих железнодорожных магистралей, о стремительной европеизации страны. В начале XX века три новшества тут же покорили в России всех: телефон, синематограф и фотография. Живая, интенсивная, завораживающая жизнь действовала на шакирдов

даже сильнее, чем на других: запретный плод сладок. Игнорируя запреты наставников, шакирды тянулись к свободной от средневековых устоев жизни.

Один из главных вопросов, который волновал учащихся «Халидия» был: те ли знания они получали, насколько полученные знания могли пригодиться в будущем, какое место в жизни могли занять выпускники по завершения учебы в медресе. Газиз получил навыки, позволяющие ему работать священнослужителем, навыки, как и многим другим, не пригодившиеся ему в дальнейшей жизни. Но в отличие от многих других ему, будущему историку и писателю, удалось использовать, полученное в медресе, хорошее знание языков — арабского, турецкого и татарского. Кроме этого, с частным преподавателем Газиз учит персидский. С 1899 г. он читает на турецком языке Жюль Верна, Фламариона, Вольтера и Руссо, других европейских писателей и ученых. Через арабскую, турецкую литературу, через статьи в татарской периодической печати знакомится с основами преподавания в Европе.

Внешние веяния буквально сотрясали стены «Халидия». Шакирды обсуждали перемены даже более бурно, чем это было за стенами духовного училища. И конечно, жаждали революционных перемен. Современный исследователь ислама и татарского национального движения Фарит Султанов для характеристики настроений того времени приводит такие слова Габдуллы Тукая: «... пока не рухнет капиталистическая система, не установится социалистический строй и капитал не перестанет быть завесой истины, я не вижу никакого смысла в том, чтобы считаться мусульманином. Тот, кто в душе доволен этой действительностью, тот не правоверный, тот не мусульманин...»¹.

Далее тот же ученый пишет: «Татарские деятели культуры начала XX века преклонялись пред талантом Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Льва Толстого, Некрасова, Горького, восторженно о них отзывались». Татарская интеллигенция стремилась познакомить свой народ с достижениями Европы и русского народа, занималась переводами. Они стремились воспитывать у татар чувства любви к другим нациям, в частности, к русскому народу, к его молодежи, призывали татарскую молодежь брать пример с русской. Не слу-

¹ Тукай Г. Избранные произведения в 2-х томах. — Т. 2. — С. 37—38

чайно герои их произведений изучают русский язык, читают произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Горького¹. Газиз ощущает острую потребность в русском языке и начинает его изучение сразу по окончании медресе.

Среди мусульманских народов России особое место занимали татары. В совокупности они представляли собой наиболее образованный, втянутый в новые общественные отношения этнос, сознающий роль духовного неформального лидера не только тюркских, но всех мусульманских народов России. Процесс переоценки ценностей у татар происходил, с одной стороны, наиболее цивилизованно (при почти поголовно грамотном по-татарски населении), с другой — наиболее остро. Противостояние людей с разными представлениями о мире и о себе было особенно напряженным среди людей разных поколений, традиционный конфликт между отцами и детьми становился оглушающе громким.

Фатих Амирхан посвятил борьбе отцов и детей в татарских семьях начала XX века пьесу «Яшляр» (Молодежь). Хотя автор не изменил даже имени главного героя — Газиза, сейчас мало кто знает, что прототипами героев пьесы была семья казанского купца Салиха Губайдуллина, конфликт отцов и детей этой семьи. Выделяя главное в конфликте поколений, упомянутый выше Фарит Султанов пишет следующее. «Так, один из героев пьесы Ф. Амирхана «Яшлэр» (Молодые), показав себя знатоком идей и мыслей, которые нашли отражение в русской литературе, говорит: «Если мы можем стать Рудиными или Базаровыми, будем неустанно внушать народу идею разрушения старого, тогда в будущем у нас появятся люди, способные совершить настоящие дела. Или же сами приобретем к тому времени достаточный опыт»². В революционный 1905 год Газиз заявил отцу, что он полностью порывает с его купеческими делами и на участие сына в торговых делах рассчитывать тот не должен, что у него иной путь в жизни, и он хочет получить европейское

¹ Султанов Ф. М. Ислам и татарское национальное движение в российском и мировом мусульманском контексте: история и современность. — Казань: РИЦ «Школа», 1999. — 236 с., с. 62.

² Эмирхан Ф. Сайланма эсэрлэр. (избранное). — т. 2. — 44 б., цит. по: Султанов Ф. М. Ислам и татарское национальное движение в российском и мировом мусульманском контексте: история и современность. — Казань: РИЦ «Школа», 1999. — 236 с., с. 62.

образование. Газиза поддерживают его младшие — брат Кадыр и сестра — Марьям.

В год окончания Газизом медресе, во время русско-японской войны, когда вся страна остро ощущает свою отсталость от европейских стран, среди прогрессивной татарской молодёжи — шакирдов медресе, учащихся реальных училищ, гимназистов, студентов Казани и других городов начинается бурное движение, направленное на пропаганду и распространение среди татар передовой европейской и русской культуры. Тогда создается кружок интеллектуальной татарской молодежи под названием «Шимба». В нем активное участие принимают Фатих Амирхан, Гафур Кулахметов, Шариф Байчура, Хусаин Ямашев, Мулланур Вахитов.

Когда Газиз покинул «Халидия» в стране было завершено строительство Транссиба — самой протяженной магистрали мира — гордости России, главного ее достижения, представленного несколько ранее на Всемирной парижской выставке. Тогда же на далеких российских окраинах шла Русско-японская война, а страна была на пороге первой русской революции. Желание получить европейское образование, возникшее в годы учебы в медресе, оформилось в конкретные действия в год поражения России в русско-японской войне и начала первой русской революции 1905—1907 гг., когда передовые слои российского общества остро переживали поражение в войне и внутренние проблемы и полагали, что все беды от недостаточной цивилизованности общества, от его отсталости от западно-европейских держав.

Джамал Валиди, характеризуя Газиза того времени, писал: «Я с ним с детства знаком, учились вместе, потом мы разошлись. После этого я слышал о нем, что он в 1906—1908 годах сделался революционером и, говорили, что он от своего отца требовал раздачи своего имущества рабочим, и что отец его хотел отдать в солдаты, и какой-то генерал отговорил его от этого, говоря, что эта болезнь молодости, скоро все пройдет. И действительно скоро прошло. Он всецело пошел в учение. И из него вышел всем известный Газиз Губайдуллин»³

³ Дж.Валиди: «У меня разногласия с соввластью». Эхо веков 1996 1/2. Цит. по: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1996_1_2/06/4/

С 1906 г. он стал готовиться к сдаче экзаменов за 8 классов классической гимназии с помощью репетитора, которым, возможно, случайно, оказался один из первых большевиков в Казани студент С. Н. Гассар. Гимназический курс входило обязательное и хорошее знание древних и современных европейских языков. Газиз усиленно изучает немецкий, французский, греческий и латинский языки. Основательно готовится и по всем другим предметам. Хотя сословные и национальные ограничения в получении университетского образования (кроме ограничений для евреев) были сняты, поступить в университет в то время было непросто. Во всей стране было всего 10 университетов — столько же, сколько в тогдашней маленькой Швейцарии. Соответственно был высокий конкурс, в котором, как и сегодня, нужно было продемонстрировать помимо знаний по отдельным предметам, хорошее владение русским языком, который не был родным для не русских, презрительно именуемых в России инородцами.

В эти годы напряженной политической интеллектуальной жизни Газиз знакомится с узким кругом молодых властителей дум татарского народа — Габдуллой Тукаем, Фатихом Амирханом, Каримом Тинчуриным, Гафуром Кулахметовым, активно участвует в шакирдском движении и начинает выступать в периодической печати. В России, как и во всем тогдашнем европейском мире, начало века — это время молодых талантов. В Европе, но больше в Америке молодые люди собираются в небольшие группы в полной уверенности, что они самые-самые — умные, талантливые, способные решать задачи, которые не могут решить все остальные. И действительно, решают, изобретают. Это время чрезвычайно интенсивной интеллектуальной деятельности. В России ориентирами служат И. П. Павлов и И. И. Мечников — лауреаты Нобелевской премии (1908). Мечников стал профессором в 25 лет. Названные татарские интеллигенты, в небольшой круг которых входил Газиз, преобразовывали прежде себя и ощущали себя лидерами, ответственным за развитие народа, талантами, способными решать любые сложные задачи.

В 1909 г. Газиз Губайдуллин сдал экзамены на аттестат зрелости и поступил на юридический факультет Казанского университета.

(На фото: Казанский императорский университет в начале XX века)

(На фото: Газиз Губайдуллин — студент КИУ)

Россия в это время успешно индустриализировалась. Среднегодовые темпы роста промышленного производства в 1909—1913 гг. достигали 9 %, доля тяжелой индустрии в промышленности увеличилась до 43 %, энерговооруженность (а она в начале XX века была главным индикатором современного производства) возросла в 1900—1913 гг. в 3 раза. Страна вышла на 4—5 место в мире по объему производства. Появлялись новые крупные предприятия и компании. В то же время принципы самодержавия (с 1905 г.) были поколеблены. Царизм не мог опираться ни на одну из общественных страт. Он не мог даже в полной мере управлять деятельностью правительства, поскольку государственный бюджет

утверждала Дума. Принципом государственной политики стало ла-
вирование между общественными силами, готовыми идти на ком-
промисс с царской властью. Соглашатели, естественно, вызывали
неприязнь радикально настроенной молодежи. В 1905—1907 гг.
революционная интеллигенция поддержала индивидуальный тер-
рор и крестьянские бунты, уничтожившие очаги сельской русской
дворянской культуры — 2 тыс. помещичьих усадеб, в которых нахо-
дились произведения искусства, библиотеки. Крестьяне, выступая
против помещиков, развернули борьбу и против кулаков за общин-
ные уравнивательные идеалы. В 1908 и 1910 гг. прошли студенческие
забастовки. Уровень рабочего движения даже в 1908— 1910 гг.
оставался более высоким, чем до 1905 г.

*(На фото: Казань. Дом Губайдуллиных
(серия открыток «Памятники архитектуры Казани»))¹*

Со смертью П. А. Столыпина распад государства, начавшийся
«снизу», был дополнен кризисом «верхов». Правительственная
власть постепенно переходила в руки временщиков, при дворе рос-
ло влияние Григория Распутина, лечившего наследника престола

¹ Об этом доме д.и.н. Радик Римович Салихов написал так: «Печальной
памятью о могучем и прославленном казанском роде сегодня в Старота-
тарской слободе остается лишь отчий дом Губайдуллиных на улице За-
йни Султана — последний зримый осколок безвозвратно ушедшего от нас
мира». Р. Салихов. Мятежный герой обновления. — Время и деньги. Вы-
пуск: за 11 2003 года. Цит. по: <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-4984-print-1.htm>

Алексея от гемофилии (несвертываемости крови) и, как были уверены многие в стране, определявшего политику государства.

В то время наибольшее влияние на передовую молодежь Казани имели сборник «Вехи» — манифест либеральных интеллектуалов и четко обозначившийся националистический уклон политики царского правительства.

«Вехи» выступили против уравнительных идеалов и «народопоклонства» интеллигенции, в результате которого благо народа ставилось выше ценностей созидания, добра и справедливости, создания новомодного «жития революционных святых».

После поражения революции 1905—1907 гг. лозунг «Россия — для русских» стал руководством для наиболее реакционных сил. Молодая татарская интеллигенция с напряженным вниманием следила за тем, как в 1910 г. была уничтожена автономия Финляндии, началась антипольская агитация, травля евреев. «Русское знамя» требовало «поставить жидов искусственно в такие условия, чтобы они постепенно умирали». Возросла эмиграция в Новый Свет. Дума одобрила националистический курс правительства Столыпина, в частности политику русификации западных губерний.

Именно в этой обстановке в 1910 году Газиз перешел на историко-филологический факультет университета, окончательно решив посвятить свои силы не столько установлению в России цивилизованного правового государства, сколько для того, чтобы получить ответы на три сакраментальных для своего татарского народа и для всех народов России вопроса: кто мы? Откуда мы пришли? Куда мы идем?

В студенческие годы не только приобретаются специальные, профессиональные знания и навыки, но происходит наиболее интенсивное приобщение к культурным ценностям, накопленным человечеством. Как в настоящее время, так и в прошлом у интеллигента именно на студенческие годы приходится наибольшее посещение театров, выставок, концертных залов. Интенсивность и глубина приобщения индивида к культуре находится в прямой зависимости от духовно-эмоционального климата эпохи. Газизу Губайдуллину повезло с тем, что его студенческие годы практически точно совпали с «Серебряным веком» русской культуры, что означало процесс приобщения к европейской культуре подстегивался необычайной насыщенностью творческой жизни страны, та-

кой насыщенностью, которой никогда не было прежде и будущем вплоть до наших дней. Конечно, интенсивность жизни столиц и провинций различна, но главные различия затрагивают массы людей, а не ее отдельных представителей, которые могут жить даже более богатой жизнью, чем рядовые интеллигенты столиц. Помимо чисто культурных изысков в «серебряный век» искусство искало ответ на вопрос «Что есть Россия, Что ждет Россию?». «Вехи» стали манифестом новой буржуазной интеллигенции России, они во многом определили духовный климат, в котором создавалась культура «Серебряного века». На чувства и направление мыслей влияли поэзия и проза А. Блока, В. Брюсова, А. Белого, Н. Гумилева, Л. Андреева, М. Горького, В. Хлебникова, И. Северянина, О. Мандельштама, А. Ахматовой, В. Ходасевича изобразительное искусство И. Крамского, И. Репина, В. Сурикова, В. Верещагина, К. Айвазовского, М. Нестерова, А. Васнецова, А. Бенуа, К. Сомова, Л. Бакста, М. Добужинского, В. Серова, а также К. Малевича, В. Кандинского, В. Татлина, открывших абстрактную живопись. В это время появилась музыка цвета, ставшая основой искусства промышленного дизайна, преобразовавшего жизненную среду человека в XX в. Конечно, многое оставалось достоянием только жителей столиц — драматический театр, опера и балет. Но и в провинции на концертах люди слушали музыку П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова, А. Н. Скрябина, исполнение Ф. И. Шаляпина. Газиз Губайдуллин и узкий круг его единомышленников не упускали ни одной возможности обсудить те же проблемы, которые были предметом дискуссий в столицах, и увидеть, услышать приезжих артистов, певцов.

Точно также, как высокий подъем русской культуры в конце XIX — начале XX в. был бы невозможен без помощи промышленников-меценатов, таких, как С. И. Мамонтов, П. М. Третьяков, С. Т. Морозов и многих других, так и развитие культуры татарского народа зависело от меценатов. Пожалуй, самым известным меценатом Казани был Салих Губайдуллин, поддерживающих студентов татар не только в России, но и в Париже. При его финансовой поддержке были осуществлены исследования и вышел в свет сборник статей, посвященных Шихабу Марджани.

(На фото: меценат, составители и авторы сборника статей, посвященных 100-летию со дня рождения Шехаб-Марджани. В этот сборник вошли две статьи Г.С. Губайдуллина «Исторические труды Марджани» и «Взгляды Марджани на просвещение науку и искусство».

Слева направо Кашшаф Тарджумани, Габдулла Гисматти, Салих Губайдуллин, Газиз Губайдуллин, Шахар Шараф, Тахир Ильясов, Гадррахман Умеров)

Нельзя не отметить, что Газизу Губайдулину, как немногим историкам Европы начала XX века, удалось получить блестящее профессиональное образование. Российское университетское образование в то время не уступало европейскому, а казанская востоковедная школа не уступала столичной. Этим, помимо личного таланта, объясняется высокий уровень квалификации, проявившийся практически с самого начала его научной карьеры. Как уже упоминалось, университетов в России было мало, казанский относился к числу наиболее старых, с глубокими традициями. Иными словами, Газиз Губайдуллин, решивший стать историком-востоковедом, получал в стенах Казанского императорского университета образование не только не уступающее европейскому, но находящееся на самом высоком европейском уровне.

На историческом факультете Казанского императорского университета с 1910 по 1916 год Газиз с увлечением изучает исторические науки. Его основными руководителями были известные российские историки и востоковеды профессора Н. Н. Фирсов, М. М. Хвостов и Н. Ф. Катанов. В 1911 году на страницах журнала «Шура» Газиз издает свою первую научную работу: «Опыт о Марко Поло». Начиная с 1914 года он без разрешения властей приступил к преподаванию истории в новометодной медресе «Мухамадия». В 1916 году Газиз Салихович окончил университет с дипломом первой степени, но продолжить обучение в аспирантуре, несмотря на ходатайство своих учителей, не может. Приобретя уже большую известность как писатель и публицист, хотя и не состоит ни в каких партиях (беспартийным остается до конца жизни) для царской охранки остается неблагонадежным¹. По совету казанского губернатора осенью 1916 г. уезжает в Троицк Оренбургской губернии, где работает в частных училищах, в государственных — преподавать не может.

После окончания учебного года в 1917 г. возвращается в Казань и пишет: *«Февральская революция дала возможность развернуть все мои силы в области науки и литературы»*. Но вскоре Октябрьская революция ставит новую проблему перед семьей Губайдуллиных: эмигрировать или оставаться на родине. Для семьи, для близких и дальних родственников Салих Губайдуллин фрахтует пароход. У Газиза иной выбор: он решает остаться в стране и разделить судьбу народа. Его примеру следуют брат, сестра и некоторые родственники. С детьми остается и Салих. По иронии судьбы пароход попал в бурю на Черном море и затонул.

В 1918—1919 годах выходят в свет его сборники рассказов, книги-учебники: «История древнего мира», «История религий», «История России». В это время он становится уже сложившимся ученым, чьи его взгляды не совпадают с ортодоксальными марксистскими. Так, не мог он писать об абстрактных двух классах, в татарском обществе в XVIII в. — о феодалах и крестьянстве, а писал о шести: о земельной аристократии (князья и мурзы), мусульманском духовенстве, служилых татарах, торговых татарах, ясач-

¹ См. Р. Салихов. Мятельный герой обновления. — Время и деньги. Выпуск: за 11 2003 года. <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-4984-print-1.htm>

ных и помещичьих крестьянах. Вслед за М. Н. Покровским, (и так же, как великий представитель школы Анналов Фернан Бродель) в своих работах утверждал, что после феодализма в XVIII в. в стране установился не капиталистический уклад, а формация торгового капитализма. Однако теперь несовпадение взглядов не препятствует дальнейшей учебе.

В 1919 году он поступает в аспирантуру Казанского университета по кафедре истории России, находится в серьезных колебаниях относительно будущего страны и своего будущего. Эти колебания продолжались и в последующие годы. Но пока он целиком отдается научной работе. В статье «Яса или Ясанамэ» он разбирает древнемонгольский источник как историко-правовой закон, изучает армянские источники по истории Азербайджана монгольского периода, пишет статью об ярлыке Сахиб-Гирей-хана, о необходимости сбора документальных источников среди населения, статью «Документ о движении среди татарских крестьян 1878 г.». Заканчивает аспирантуру представлением диссертации «Опыт истории Хазарского каганата».

Мемуарной литературы, где описывалась бы конкретная текущая жизнь того, да и последующего времени, практически нет, что понятно: опасно было при советской власти оставлять какие-либо документальные свидетельства. Для советского периода есть другой документальный источник — архивы допросов, хотя это, как известно, кривое зеркало, приходится довольствоваться им. Так, на допросах в 1931 г. Джамал Валиди свидетельствовал, явно выгораживая Газиза перед органами: «С 1921 по 1925 год мы жили с ним в одном дворе и очень часто виделись, беседовали. Я вполне ознакомился с его характером и образом мысли. Но каков был он по своим взглядам и мировоззрениям, очень трудно говорить. Я в своей жизни не видел другого такого неустойчивого в своей мысли человека. Он всецело находился под влиянием событий дня. Он часто был полон веры в революцию не только нашу, но и в мировую. Но были моменты, когда ни капли не оставалось от этой веры. Но если все это взвешивая, нужно говорить что-нибудь определенное об отношении этого человека к советской власти, то можно сказать, что он определенно не был непримиримым врагом советской власти и готов был добросовестно работать в пользу революции, и думаю, он после победы революции никогда сознательно не вредил соввла-

сти и партии. Конечно, он не из тех, которые готовы до последней крови бороться за революцию. Когда советская власть есть факт, он против этого факта не хочет бороться, и такой упрямый факт укрепления советской власти является для него разумным фактом. Известное слово Маркса «бытие определяет сознание» больше всех правильно для людей газизовского типа. Период времени, о котором я здесь говорил (1921—1925), был весьма благоприятным для таких колебаний. В последние годы он сильно изменился. Два года тому назад, когда он на время приехал в Казань, он держал себя весьма выдержанно, и казалось, он окончательно порвал с национализмом, казалось, он теперь крепко стоит на почве марксизма. Здесь, конечно, есть и осторожность. Это он не умеет скрывать. Свою осторожность не мог скрыть тогда же при публичном выступлении в доме культуры, когда он уместно и неуместно вставлял слова «в скобках», «так называемые» и т. д.»¹.

Успешно окончив аспирантуру, Газиз Салихович продолжает научную работу в Академцентре Татнаркомпроса. Самая значительная его работа того времени — совместная с Али-Рахимом «История татарской литературы». Одновременно активно занимается научно-организационной деятельностью. Становится научным сотрудником, заместителем председателя Общества археологии, истории и этнографии, заместителем начальника Управления сельхозобразования ТАССР. Преподает в Восточной академии, Восточно-Педагогическом институте и Татарском Коммунистическом университете.

Окончание аспирантуры совпадает с началом НЭПа — после кровавой Гражданской войны временем надежд на лучшее будущее страны и людей в ней живущих. Но вскоре приходится убедиться в тщетности этих надежд. Как пишет Ю. Н. Гусева, специально исследовавшая архивы того времени, в рабочих данных за 1922 г. фиксируется особая активность национальной интеллигенции, чья деятельность, как полагали чекисты, была сконцентрирована вокруг формировавшихся в Казани обществ — «татароведения» и «врачей-татар». Руководителем первого назывался Газиз Губайдуллин и, по

¹ Дж.Валиди: «У меня разногласия с соввластью». Эхо веков 1996 1/2. Цит. по: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1996_1_2/06/4/

прогнозу ГПУ, именно он мог стать одним из лидеров этого движения. С этого года за ним было установлено постоянное наблюдение. Всетатарский политотдел ГПУ начинает отслеживать буквально каждый шаг, каждое публичное выступление ученого, личные контакты. Более всего органы интересовались связями и кругом общения Газиза Салиховича. Чекисты отмечали высокий авторитет ученого, причем он простирался за пределы академического сообщества. В материалах 1922 г. ему пока еще не приклеен ярлык «контрреволюционера и национал-шовиниста-панисламиста». Но 1923 уже отмечается, что татарские интеллигенты составляют в республике костяк «националистической организации, которая имеется, может быть, только с неофициальным организационным построением». И в царское время Газиз был под наблюдением охраны, но тогда он мог выражать свои взгляды практически открыто, более того — публично. Теперь это становится невозможным. В донесения ОГПУ отмечается, что Г. Губайдуллин старается формально отделиться от известных эмигрантов с тем, чтобы не навести на себя и других подозрения: «приедем из эмиграции он предлагает к нему не заходить, а в письмах предупреждает о цензуре, стараясь важные пересылать через людей». Задача обвинения и ареста не находила формального предлога. В 1925 году органы не придумали ничего лучшего, как арестовать ученого по обвинению в краже, совершенной однофамильцем в Средней Азии. Вовсе не нелепость обвинения и полное алиби (Газиз безвыездно жил в Казани), а публичное выступление учителей Газиза — бывших царских университетских профессоров — вызволило его из тюрьмы. После этого в 1925 г. ученый с семьей переехал в Баку, где была нужна развитие науки и высшего гуманитарного образования на азербайджанском языке буквально с нуля и были созданы необходимые условия для работы.

Во второй половине 1920-х — первой 1930-х происходит становление востоковедения в Азербайджане. Решающая роль в этом процессе принадлежит двум профессорам — казанского татарину Газизу Губайдуллину и крымскому — Бекиру Чобан-заде. В 1926 г. Газиз Губайдуллин назначается деканом историко-общественного отделения Азербайджанского Высшего педагогического института, участвует в работе 1-го Всесоюзного тюркологического съезда с решающим голосом, где выступает с большим докладом, в 1927 г. становится профессором и деканом восточного факультета Азербайд-

жанского государственного университета, членом государственного ученого совета Азербайджана. В 1928 г. — избирается внештатным профессором кафедры мусульманского востока Самаркандского университета, а в 1930 г. — внештатным профессором 1-го Московского университета.

Пока все внимание власти сосредоточено на коллективизации 1929 г. и голодоморе два «буржуазных специалиста», два друга Губайдуллин и Чобан-заде еще могут работать в Баку. В 1929—1931 гг. в стране разворачивается кампания против «буржуазных специалистов», но она еще слабо затрагивает окраины страны. Ученый остается на свободе.

В 1933 г. начинается, длившаяся полтора года чистка партии от «классово чуждых элементов», хотя она еще не касается беспартийных, тенденция ясна. Понимая, что следующая очередь за наукой и высшей школой, Газиз Губайдуллин начинает метаться по стране, пытаясь найти место, где он будет настолько нужен, что не подвергнется репрессиям. В 1933—1934 гг. он уезжает работать на Северный Кавказ, в Пятигорск.

Тотальный террор в стране начинается после убийства Кирова 1 декабря 1934 г. 8 июня 1934 года принимается закон о введении смертной казни «за измену Родине» и закон этот для «буржуазных специалистов» выглядел совсем не безобидно. В 1934 г. по приглашению Татнаркомпроса временно приезжает в Казань для работы в Казанском университете и научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма по составлению коллективного труда «История Татарии». Но понимает, что родина сейчас не спасительная гавань, и в 1935 г. возвращается в Баку, где занимает пост заведующего кафедрой истории Ближнего Востока в Азербайджанском университете им. Кирова и в течение двух лет до ареста остается на этом посту.

И все это время он пишет статьи по истории татар, азербайджанцев, узбеков, кабардино-балкарцев, персов, турок и других народов. Они публикуются на русском, татарском, азербайджанском, узбекском языках. Невозможно перечислить все проблемы, поднятые Г. Губайдуллиным в его многочисленных трудах.

В январе 1937 г. проходит Всесоюзная перепись населения, в ходе которой (в ответ на прямой вопрос) выяснилось, что большинство населения (56,7 %) не разделяет марксистско-ленинскую идеологию, а верят в Бога. Сталин приказал итоги переписи объявить

«дефектными» и скрыть, а ее организаторов расстрелять как вредителей. В массовых репрессиях 1937 г. первый удар был направлен на гуманитарную интеллигенцию. 18 марта 1937 г. Газиз Губайдуллин был арестован, а 2 июля 1937 года Политбюро единогласно принимает решение о проведении широких репрессий. 30 июля 1937-го Ежов подписал приказ №00447 о начале массовой репрессивной операции «против остатков враждебных классов». Теперь при любых показаниях на допросах судьба ученого, как и многих других, была решена. Пик репрессий пришелся на период с августа 1937-го по ноябрь 1938-го. 13 октября 1937 г. ученый был расстрелян.

Актуальность творческого наследия Газиза Губайдуллина (к 125-летию со дня рождения)

Газиз... под этим именем мы знаем выдающегося ученого, историка-тюрколога, архивиста, литератора XX столетия. Чтобы понять актуальность его творческого наследия, надо еще и еще раз обратиться к трудам этого выдающегося человека. И это обращение дает нам, людям, живущим в XXI веке, твердую уверенность, что идеи Газиза Салиховича Губайдуллина (1887—1937), его работы, безусловно, не утратили своей значимости.

Сначала ответим на вопрос, насколько доступно рассматриваемое наследие Газиза и комментарии к непереверденным его трудам русскоязычному читателю. Как известно, он, будучи полиглотом, создавал свои работы на русском, татарском, азербайджанском и узбекском языках. В автобиографии, написанной в 1910 году, он объяснил, каким образом пришел к изучению разных языков, в том числе русского языка. «Мне часто приходилось слышать о богатой литературе и красоте русского языка, поэтому я начал стремиться к ознакомлению с этим языком. Отец в это время уже благоприютствовал моим стремлениям и решил начать учить меня русскому языку и математике, для чего просил разрешения у директора — муллы духовной школы. Но, сколько отец мой ни доказывал ему необходимость знания русского языка, как государственного языка, все-таки мулла не согласился. По его мнению, для меня это было еще очень рано, и, сверх того, он боялся, как бы я не “сошел с пути” (как он выражался)»¹.

Из приведенного фрагмента ясно, какие трудности пришлось преодолеть и самому Газизу и его отцу, чтобы в конечном итоге русский язык стал подспорьем ему в развитии мастерства исследовате-

¹ «Я среди товарищей считался хорошим диспутантом» // Эхо веков. 1997. № 1/2. Автобиография. Газиз Губайдуллин. Публикация источника и комментарий Насретдиновой Диляры/НА РТ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2193. Л. 115—117об./Гасырлар Авазы. Научно-документальный журнал. 1997. ½.

ля. Не займись тогда Газиз русским языком и русской литературой, сама русская культура также была бы обеднена.

Сегодня можно утверждать, что научные труды историка Г. Губайдуллина широко представлены целым рядом изданных на русском языке книг и статей. Определенную роль в популяризации его работ сыграло то обстоятельство, что жизнь Газиза Салиховича проходила не только в Казани, где он родился, но и в Баку, Средней Азии, Москве, где он жил и работал, или приезжал на время, чтобы прочитать вузовский курс лекций, пообщаться с коллегами-учеными. Но не только научно-образовательное пространство, где проходила творческая жизнь Газиза, сыграло свою роль. Главное — наличие интереса к нему, как к ученому-тюркологу, который проявлялся и проявляется в разных регионах земного шара. Например, активность академического сообщества России и ученых бывших советских республик последние два десятилетия позволила провести обмен информацией о Газизе Губайдуллине, которая оказалась, по сути, разбросанной по отдельным регионам. Так историк и архивист из Азербайджана Атахан Пашаев сделал доступным для читателя ряд архивных документов, отложившихся в Государственном архиве Азербайджанской республики².

Наследие своего деда активно пропагандирует Эдуард Сальманович Кульпин-Губайдуллин, доктор философских наук³. Многие публикации Газиза на русском языке (и не только) появились именно благодаря его стараниям. Для примера можно привести изданную в серии «Социоестественная история» работу Г. Газиза «История татар». В этой широко известной серии сборников научных статей, издаваемых под редакцией Э. С. Кульпина, являющегося основателем направления СЕИ, и вышло первое русское издание этнической истории татар, написанной в 1919 и переизданной в 1924 году. Во

² Пашаев А. Газиз Губайдуллин как видный историк-архивист // Эхо веков. 1996. № 1/2. С. 181—185. В приложении к статье два документа, относящихся к бакинскому периоду жизни Газиза. Кроме того, в 1997 году А. Пашаев передал ксерокопию статьи Г. Губайдуллина «К вопросу об идеологии Гаспринского» (издана в 1929 году) сотрудникам Национального культурного центра «Казань»; сегодня она доступна в Интернет сети.

³ К 120-летию Газиза Салиховича Губайдуллина (1887—1937). Интервью с Э. С. Кульпиным. Беседовала Ольга Сенюткина. Газета «Медина аль-Ислам», №31, (июль-август 2007 г.) — с. 14.

многим благодаря сыну Газиза — Сальману и его внуку увидела свет великолепная по содержанию и издательскому исполнению книга — научно-биографический сборник «Газиз Губайдуллин»¹.

Прежде всего, заслуга сохранения наследия Газиза Салиховича — это заслуга его старшего сына Салмана. Часть трудов пропала в 1937 году по понятным причинам. Но то, что осталось, старший сын профессора Губайдуллина собрал и передал в виде альбома после реабилитации историка (1957 год) в Институт языка, литературы и истории АН Татарской АССР. Кроме того, подлинники документов, фотографии, сохранившиеся в семье, в 1987 году были отданы им же в Музей Национально-культурного центра города Казани. С. Губайдуллин был инициатором и участвовал во всех юбилейных мероприятиях, посвященных памяти Газиза Губайдуллина.

Не ставя своей задачей показать все, что издано на русском языке из наследия Г. Губайдуллина, отмечаем, что то, что есть, уже дает большие возможности оценивать его значимость. При исследовании историографии тюркизма как исторического явления, необходимо, на наш взгляд, выделение фигуры Газиза, как ключевой по указанной проблематике, среди историков начала XX столетия².

«Умирает ли нация?» Краткая статья с таким названием появилась в 1917 году в журнале «Анг»³. Тогда её автору, Газизу Губайдуллину, было всего лишь 20 лет, но за плечами поставившего такой непростой вопрос, — обучение в медресе «Халидия», Казанский императорский университет и постоянное упорное самообразование.

Сам выбор темы говорит о внимании молодого автора к этническим сюжетам. Однако был и толчок к освещению именно этой темы, о котором сказал сам Газиз в начале статьи: выход в свет произведения Гаяза эфенди Исхаки «Исчезновение через двести лет». Этот труд эфенди взбудоражил татарскую общественность,

¹ Газиз Губайдуллин: Научно-биографический сборник. — Казань: Рухият, 2002. — 336 с.

² Подробнее см.: Сенюткина О. Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905—1916 гг.). Монография. — Нижний Новгород: Изд. Дом «Медина», 2007.

³ Губайдуллин Г. Умирает ли нация? Журнал «Анг». — 1917. — № 11/12. — С. 164—167. В переводе С. Г. Губайдуллина с татарского языка на русский язык опубликована в: Газиз Губайдуллин: Научно-биографический сборник. — Казань: Рухият, 2002. — С. 82—86.

поскольку заставил волноваться тех, кто с позиций необходимости развития нации рассматривал будущее татарского народа. От себя позволю напомнить, что в момент выхода работы Исхаки в российской тюркской среде наблюдалась мощная социальная активность, рожденная и подкрепленная общероссийской, невиданной ранее в отечественной истории, политизацией. Труд Г. Исхаки, написанный в 1902—1904 гг., предупреждал в жанре просветительской антиутопии о возможной угрозе исчезновения татар с исторической арены в результате отсутствия прогресса в их общественной и духовной жизни.

То время, более десятка лет, что отделяет труд «Исчезновение через двести лет» Гаяза Исхаки от статьи «Умирает ли нация?» Газиза — чрезвычайно насыщенный период в истории российских татар-мусульман. Единство тюрков-мусульман России, о необходимости которого шла речь на Всероссийских мусульманских съездах до 1917 года, выстраданное идеологами тюркизма начала века, сменилось в ходе насыщенного событиями 1917 года и далее движениями национального характера. Как современник происходившего в России, Газиз будет наблюдателем этих тенденций — движений в татарской среде от конфессиональности к этничности. Но эти движения станут реальностью после 1917 года. А тогда, когда писалась статья, в 1917 году, автор пытался рассуждать весьма академично, рассудочно, но не эмоционально, как и пристало ученому. Он обращался к разуму читателя и не ставил, по-видимому, своей задачей — будоражить его этносознание и окунаться в политику.

Уже в начале статьи — четкое обозначение проблемы и разделение вопроса, поставленного в заголовок статьи «Умирает ли нация?», на две части.

Первая часть сформулирована автором следующим образом: «Если со временем люди перестанут делиться на нации, народ, объединенный в образование под названием «нация», исчезнет, люди будут разниться между собой как-то иначе или нет?» То есть, по сути, ставится вопрос о возможности стирания граней между этносами в будущем. Это тот вопрос, который в советские времена нашей отечественной истории решался однозначно положительно, а новая историческая общность — советский народ, якобы образовавшийся в 1970-х годах, — рассматривался как переходная ступень к единому, без наций, обществу будущего.

Газиз, решает этот вопрос, исчезнут ли нации, однозначно отрицательно, выдвигая следующие аргументы (изложим их с использованием современной лексики, не искажая смысла изложенного автором):

— тысячелетний опыт истории человечества на цивилизационном этапе её развития демонстрирует этнические формы существования культуры (макроуровень);

— постоянно существующая в условиях исторического развития цивилизаций этническая идентичность (микроуровень).

Первая позиция выражена у автора статьи следующим образом: «Если бы не было наций, то не было бы истории, как предмета изучения». Вторая — «Если мы хотим познать какого-либо человека, мы должны изучить его духовную и творческую жизнь, а также знать его нацию. Чтобы глубже познать духовный мир исторически известной личности или знаменитого современника, необходимо знать его принадлежность к той или иной нации, изучить пути развития этой нации, её устремления, цели, исторические черты».

«Естественная мысль, — писал он, — основанная на природной логике, не дает основания для создания единого человечества». Это еще один аргумент в обоснование вечности наций. Иными словами: от биологической природы этноса человек отстраниться не в состоянии, как бы он не превозносил свою социальную сущность.

Общий вывод Газиза Губайдуллина: «жизнь вне наций невозможна». Вместе с тем, он не разделял народы по их «национальным квартирам», отчуждая их друг от друга. Нации, по его мнению, «прививают другим» свою культуру или «заимствуют, обновляют её по-своему». «Мировая культура — сумма национальных культур», — утверждал он.

Вторая часть вопроса, выдвинутого в заголовок статьи: «Может ли погибнуть отдельно взятая нация?». Отвечая, Газиз утверждает, что «не сумевшая приспособиться к жизни нация терпит поражение в борьбе с другими и исчезает», добавляя, что «в истории таких примеров множество».

Небольшой фрагмент работы Газиза, в котором идет речь о создании этносами государств, говорит о позиции автора следующим образом. Он рассматривает проблему с точки зрения модели — «нация-государство»: «отдельные племена создавали свои государства, которые подчиняли себе более слабые формирования или сами под-

чинялись более сильным»... «Так образовались нации и началась борьба между ними». Эти идеи можно исторически видеть в процессе реализации ранними тюрками или племенами Западной Европы — франками, англами, саксами и др.любым племенам, в которых доминирует принадлежность к единой языковой общности, к единым традициям и обычаям. То есть соотнести со временем формирования народностей, хотя этот термин Газиз не использует: он сразу от исторического типа этноса на уровне родо-племенных общностей переходит к историческому типу этноса под названием «нация».

Тот стереотип, который сложился применительно к творчеству Г.Губайдуллина — историк позднего средневековья — неизбежно разрушается после знакомства с его наследием. Не только работа «Умирает ли нация?» может быть положена в основание разрушения стереотипа.

Можно назвать в качестве примера такую его работу, как «Борьба двух течений на первом съезде мусульман в 1917 году...»¹. Эта, к сожалению, незаконченная, статья представляет собой попытку автора с марксистских позиций (написана в бакинский период его творчества) проанализировать споры, которые велись в тюрко-татарской среде, в частности, на первом съезде 1917 года, по вопросу достижения единства российских мусульман.

Интерес эта работа представляет и с исторической и с историографической точек зрения, ибо ученый, воспитанный и образованный как сторонник цивилизационного подхода к пониманию исторического процесса, вынужден адаптировать свои мысли под официальную идеологию. И, несмотря на талант, это получается не совсем удачно.

Подводя итог краткому экскурсу в творчество Газиза Салиховича Губайдуллина, мы убеждаемся в том, что его мысли звучат очень современно. Например, такая фраза: «Слова о единой, всемирной нации пусты, они обречены, как мыльные пузыри». По сути такая фраза есть толчок к нашим современным спорам о глобализации, локализации, глокализации, которыми заполнено научно-публицистическое пространство современности.

¹ Губайдуллин Г. Борьба двух течений на первом съезде мусульман в 1917 году... / Публикация и комментарий Галиуллиной Д. // XX век: страницы истории. С. 102—109.

Особенности прозы Газиза Губайдуллина

В татарской литературе начала XX века происходит изменение жанрового состава, что было обусловлено процессами проникновения традиции русской и европейской литератур в татарское художественное пространство. Значительную роль в этих процессах сыграл Г. Губайдуллин — историк, педагог, литературовед, писатель, проживший насыщенную, сложную жизнь и трагически погибший в результате репрессии в 1937 году. Он был одним из тех, кто начал научно-методическую работу по систематизации истории татарской литературы. Литературно-критическое наследие писателя, посвященное осмыслению творчества современников, не утратило своей актуальности и по сей день. Г. Губайдуллин создал более 120 научных трудов по истории и литературоведению и более четырех десятков литературных произведений.

Особых успехов он добился в жанре короткого рассказа, подняв его на новый качественный уровень. Художественное творчество Газиза Губайдуллина представляет собой целостную систему, в которой сосуществуют, дополняя друг друга различные литературные парадигмы: реалистическая, романтическая, модернистская.

В системе прозаических жанров, к которым обращался Г. Губайдуллин, можно выделить следующие: новеллы, рассказы, литературные сказки, — с широким тематическим диапазоном, психологической глубиной разработки образов, оригинальностью композиции и разнообразием художественных средств.

Доминантными свойствами поэтики новелл Г. Губайдуллина являются фрагментарность сюжета, неожиданность развязки, малое число персонажей, большое внимание к бытовым деталям. Конфликт возникает в сознании, душе главного героя и разрешается без постороннего вмешательства. Герои большинства новелл проводят свою жизнь в бессмысленных занятиях, именно это и становится предметом юмористического и сатирического изображения.

Эти произведения на разные темы: «маленького человека» («Часы», «Бабушка Хакима», «Тревога», «Блоха», «Прерванная молитва», «Тюбетейка с форточкой»); философии жизни («Страш-

ный сон», «В ожидании антихриста»); нравственности («Пятница», «Пьяница», «Гармонь»); судьбы нации («В гостях у мурз», «Как эта нация будет развитой?», «История одного стада») и др. Часть из этих новелл юмористического и сатирического содержания. В них автор создает типические образы, причем как общечеловеческие типы, так и социальные. Если в юмористических новеллах автор относится к своим героям с легкой иронией, жалостью, симпатией, то в сатирических произведениях он высмеивает людей с консервативными взглядами, негативные социальные явления своего времени.

Особое место в творчестве Г. Губайдуллина занимают рассказы. Среди них можно выделить рассказы реалистические («Великое проклятие», «Юный крышен», «Внутренний эмигрант», «Жена стала джадидисткой», «Хазрат делит на два», «Брюки», последние из них носят сатирический характер), романтические, проникнутые философским содержанием («Скрипач Хусаин», «Как рождаются красные цветы?»), модернистские («Одна мечта», «Из сказок Востока», «В поисках спутника»).

Основу сатирических рассказов в большинстве случаев составляет конфликт консервативных персонажей с героями, придерживающимися новых взглядов на жизнь. В реалистических рассказах автор прибегает к приему типизации: в героях воплощены узнаваемые социальные типы. В философских рассказах он задумывается о философии жизни и смерти, о скоротечности человеческого бытия. С помощью мифологических сюжетов и мотивов автор проводит мысль о том, что жизнь скоротечна, и лишь после смерти человек переходит в вечность и держит ответ за все свои деяния перед Аллахом. Особенностью модернистских рассказов Г. Губайдуллина является переплетение реального и ирреального (сказочного, фантастического). В некоторых произведениях обнаруживаются экзистенциальные мотивы.

Г. Губайдуллин обращался и к жанру литературной сказки («Ахмет батыр», «В лесу»). В его сказках присутствуют традиционные для восточных сказок мифологические персонажи. Они призывают юных читателей быть умными, находчивыми, ловкими, любящими, заботливыми, стремящимися к получению новых знаний.

Анализ произведений различных жанров позволил выявить в их поэтике ряд общих стилистических свойств. В частности, прием художественной детали как одну из доминант поэтики (пейзаж,

портрет, психологизм, предметы быта). Для его стиля характерны короткие фразы, неожиданные повороты сюжета, яркие метафоры, повторы, риторические вопросы, внутренние монологи, саморазоблачения, историческое мышление и др.

Изучение жанрово-стилистических особенностей прозы Г.Губайдуллина в соотнесении с творчеством других татарских писателей начала XX века позволяет сделать вывод об особенностях жанрового процесса в литературе этого периода. Традиционные для романтизма и реализма жанровые формы начинают сочетаться с новыми жанрами, появившимися в результате в рамках модернистской парадигмы.

О методологическом значении трудов Г. С. Губайдуллина

Г. С. Губайдуллин занимает достойное место в российском востоковедении. Национальные академические научные школы начали складываться в Казани, Уфе, в Казахстане и на Алтае уже в последней четверти XIX века трудами Г. Ахмерова, М. Уметбаева, Ч. Валиханова, Н. Катанова.

Можно утверждать, что Г. С. Губайдуллин, входя в плеяду мусульманских ученых нового поколения, начала XX столетия, оказался у истоков советской региональной востоковедческой науки и национальной (татарской и общетюркской) историографии, достойно продолжая классические традиции Российского востоковедения.

Эта когорта ученых — А. З. Валидов, Г. Исхаки, К. Насыров, Дж. Валидов, А. З. Валидов, А. Рахим, Х-Г. Габаши, С. Максуди и многие другие ученые первой половины XX века были, в основном выпускниками так называемых новометодных медресе или инородческих школ (русско-национальных, общеобразовательных и специализированных — «учительских»). Изучение их наследия началось сравнительно недавно, после распада СССР. Активизация современников в этом направлении связана с идеологической реабилитацией этих ученых, записанных в роковые 1930-е годы список «буржуазных» и потому непопулярных, а иногда и запретных.

Времена меняются, и всегда существовавший интерес к жизни и творчеству Г. С. Губайдуллина и его современников и соратников, сегодня получает импульс к развитию, но еще не достиг своего систематического апогея. И пожалуй не будет большой ошибкой сказать, что историографическое осмысление научного опыта Г. С. Губайдуллина находится в своей ранней стадии. В большей степени, хотя вероятно не в полном объеме, известны этапы биографии ученого, но вот его творческие мотивы, методологические подходы, вклад в историологию и этнографию, археографию и архивоведение, источниковедение, языкознание и литературоведение — в комплексе еще только начинают изучаться.

Для большинства историков Г.С.Губайдуллин (Г.Газиз) известен как автор, одного из первых концептуальных обобщений по истории российских татар в книге «Татар-тарихи». Но, редкий современник знает, например, о трудах Г.С.Губайдуллина в области архивоведения и археографии. Об этом в большей степени осведомлены в Азербайджане, где долгое время жил и работал в Республиканском архиве Г.С.Губайдуллин. Так же специалистам по социальной истории могут быть незнакомы, работы Г.С.Губайдуллина по тюркской этнографии, в частности в такой специфической сфере, как системы питания. Заслуживают особого внимания ранние историографические работы Г.С.Губайдуллина о сочинениях Марко Поло, Ибн-Халдуна, Ш.Марджани. И естественно особый интерес представляют его труды по общетюркской этнической истории изданные в Азербайджане и Узбекистане.

Осмысление наследия Г.С.Губайдуллина важно в той связи, что труды его были основаны на арабских и арабографичных источниках, долгое время в XX веке не доступных большинству исследователей. И только в последнее десятилетие, в связи с развитием мусульманского высшего образования, возрождается и набирает широту именно эта историографическая традиция, что увеличивает источниковую базу исследований как минимум вдвое.

Опыт Г.С.Губайдуллина и его современников в этих условиях приобретает, таким образом, еще и методологическое значение. В этой связи представляется полезным издание онтологии трудов и рукописей Г.С.Губайдуллина, а возможно и всей плеяды ученых представителей тюркской национальной историографии и литературы первой половины XX века.

Этнография и архивная эвристика

Ознакомление с научным наследием Г.С.Губайдуллина открывает широкий диапазон направлений его деятельности, в которой важное место занимала археографическая работа. В должности ученого-архивиста и заведующего организационно-издательским отделом центрального архива Азербайджанской ССР (Азцентргосархива) Г.Губайдуллин немало сделал для того, чтобы приобщить общество к новым первоисточникам. В настоящее время то, чем занимался Г.С.Губайдуллин становится особенно актуальным. Этой проблеме посвящено несколько тезисов излагаемых ниже.

В середине 1980-х годов в отечественной этнологии стала активно обсуждаться тема соотношения традиций и новаций в культуре.¹ Актуализация темы была, в числе прочих причин, связана с постепенным исчезновением из быта народов бывшего СССР элементов дореволюционной культуры.² Именно ее привычно называли и теперь еще называют традиционной (хотя традиция — явление преходящее). Так или иначе, культура, которую на наш взгляд правильнее именовать доиндустриальной, действительно к концу XX столетия практически исчезла и теперешние полевые наблюдения этнографов в плане реконструкции этой культуры уже малоэф-

¹ Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. — М., 1986; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. — М.: «Наука», 1988; Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. (под ред. Р.Г. Кузеева, В.В. Пименова...). — М.: «Наука», 1985.

² Кузеев Р.Г., Пшеничнюк А.Х., Бикбулатов Н.В. Музей археологии и этнографии в 1981—1982 гг. Препринт доклада на заседании Президиума БФАН СССР. — Уфа: «БФАН СССР», 1982; Традиционная нормативная культура, организация власти и экономика народов Северной Евразии. (под ред. Ю.И. Семенова). — М.: «Старый сад», 2000. См. вступительную статью редактора. С. 7.

фективны.¹ В этой связи можно сказать, что наступил своеобразный кризис жанра историко-этнографической реконструкции.

Тем не менее, необходимость сохранения этногенетической и историко-этнографической проблематики все еще велика, равно, как и далеко не исчерпаны возможности исторической этнографии. Но, в этноисторических изысканиях необходимо расширение круга источников и смещение акцентов в направлении архивной и иной текстологической эвристики. Приходит время, когда восстановить этнокультурную реальность доиндустриальной эпохи (рубежа XIX—XX вв.) будет возможно только этим способом. Точно так, в основном, воспроизводилась этнография средневековья и нового времени.

Такое положение вещей заставляет задуматься над обоснованием необходимости в настоящее время развивать такое самостоятельное направление исследований как архивно-этнографическая эвристика. Именно самостоятельное научное направление в рамках этнологии (этнографии).

Поиск источников в архиве, конечно, зачастую диктуется и чисто познавательным или тематически заданным интересом. Но, в связи с изложенными выше соображениями, необходимость специальных обследований архивов обусловлена еще и тем, что огромное количество письменных и иных визуальных материалов, хранящихся в архивах, не востребовано, и возможно никогда не будет востребовано. Выявление и, как минимум, аннотация таких материалов уже есть самостоятельная цель для изучения. Архивный фонд России сегодня это миллины единиц хранения (дел).² История архивного дела и накопления фондов центральных и региональных архивов обусловили чрезвычайное многообразие источников, собранных в них.³ Вычленив в их составе сугубо культурологические, без специальной и кропотливой поисковой работы — задача почти неразрешимая. Но, гораздо важнее другое. Среди материалов архи-

¹ Речь идет не о самом методе полевой этнографии, но именно о культурной традиции, которую изучают при помощи наблюдения и опроса.

² Список-Справочник фондов ЦИА Башкирской АССР. — Уфа: «Башкинигоиздат», 1991.

³ По состоянию на 01.01.2009 г. в ЦИА РБ на учете состоит 4.669 фондов 1.249858 ед. хр. из них 4.654 фонда и 1198212 ед. хр. документов на бумажной основе; 15 фондов и 51.574 ед. хр. фотодокументов.

ва, которые можно отнести к этнографическим, есть весьма редкие, уникальные, то есть содержащие информацию, которую больше уже не найти нигде. И эти материалы, способны существенно пополнить представления об истории и культуре народов России в прошлом и понять их особенности в настоящем.

В этой связи, представляется целесообразным обратить внимание на архивные документальные источники, которые в силу различных причин не привлекали внимание, к тому же они еще не подвергнуты серьезной источниковедческой критике и не систематизированы. В особенности это касается различных типов актового материала. Практически не привлекаются в этнографических исследованиях делопроизводственные материалы, переписка учреждений, внутренние документы ведомств, прошения, журналы и протоколы заседаний государственных органов и общественных союзов и т. д. Мало задействованы источники личного происхождения — мемуары, целевые подборки информации, письма, воспоминания, дневники.

Словом, нарративные, документальные и визуальные источники архивов являются обширным полем для проведения историко-этнографических исследований. Эвристический поиск, источниковедческий анализ, систематизация и опубликование этих архивных материалов в этноисторическом аспекте имеет большое познавательное значение, актуальность которого, по мере отдаления от традиционной в прошлом культуры, будет только возрастать. Поэтому подобная эвристическая работа должна стать самостоятельным научным направлением, с соответствующим набором приемов и принципов поиска и отбора архивных материалов и методов источниковедческой критики.

Научное издание

**БЮЛЛЕТЕНЬ ОБЩЕСТВА ВОСТОКОВЕДОВ РОССИИ
ПРИЛОЖЕНИЕ 7**

**ГАЗИЗ ГУБАЙДУЛЛИН И СТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В 1920–1930 ГГ.**

Материалы конференции

Составители:

**Э. С. Кульпин-Губайдуллин,
А. Д. Васильев, Д. Д. Васильев**

Подписано в печать 4.09.2012. Бумага офсетная № 1.
Формат 60х90 1/16. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 4,75.
Тираж 300 экз. Заказ № 3495.

Изд-во «Рукописные памятники Древней Руси»

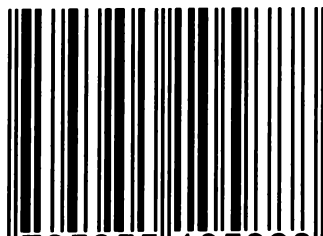
ОГРН 10677464301102.

Тел.: 8 495 959-52-60. E-mail: lrc.phouse@gmail.com

Site: www.lrc-press.ru, www.lrc-lib.ru

**Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Буки Веди»
Москва, ул. Суцевский Вал, д. 49**

ISBN 978-5-9551-0588-8

9 785955 105888 >